Мужчина на одну ночь

Автор:
Лиза Клейпас

Мужчина на одну ночь

Лиза Клейпас

Шарм (АСТ)

Гордая красавица, считавшая себя безнадежной старой девой и мечтавшая хоть раз познать силу мужской страсти, – такова была Аманда Брайерз… Лишенный наследства отпрыск знатной семьи, сумевший нажить огромное состояние, циник, презирающий законы света, – таков был Джек Девлин… Почему же в ту безумную ночь, когда Аманда от отчаяния предложила Джеку себя, он отказался? Чтобы потом снова и снова пытаться покорить жестоко оскорбленную девушку? Или чтобы объяснить ей великую истину – подлинная сила СТРАСТИ состоит в слиянии не только тел, но и душ…

Лиза Клейпас

Мужчина на одну ночь

Роман

Lisa Kleypas

Suddenly you

© Lisa Kleypas, 2001

© Перевод. Т.А. Перцева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Моему брату Каю.

За его неизменные любовь, поддержку и понимание.

И за то, что ты всегда оказывался рядом, когда я в тебе нуждалась.

Мне так повезло быть твоей сестрой.

Л.К.

Пролог

Лондон

Ноябрь 1836 года

– У вас есть какие-то определенные пожелания, мисс Брайерз? Предпочитаете блондинов или брюнетов? Рост высокий или средний? Англичанин или иностранец?

Мадам была на удивление деловита, словно они обсуждали меню для званого ужина, а не мужчину, которого покупали на один-единственный вечер.

Аманда неловко поеживалась. Вопросы были столь откровенны, что ее лицо пылало огнем, а щеки как-то странно покалывало. Интересно, испытывают нечто

подобное и мужчины, впервые посещающие бордель? К счастью, именно это заведение оказалось перворазрядным, дела здесь велись с достаточной долей осмотрительности, мадам была тактична, а обстановка выбрана с куда большим вкусом, чем предполагала Аманда: ни откровенно шокирующих картин, ни непристойных гравюр, ни красных занавесок, ни шатающихся повсюду проституток или клиентов. Дом миссис Брадшо отличался спокойной неброской роскошью: стены, обтянутые темно-зеленым дамастом, уединенная приемная, обставленная превосходными образчиками мебели Хепплуайта. Рядом с софой в стиле ампир с украшениями в виде позолоченных дельфинов стоял небольшой столик с мраморной столешницей.

Потянувшись за позолоченным карандашиком и крошечной записной книжкой, лежавшими на краю столика, Джемма Брадшо выжидательно уставилась на клиентку.

– У меня нет никаких особенных предпочтений, – пробормотала сгоравшая от стыда, но преисполненная решимости Аманда. – Я вполне доверяю вашему вкусу. Выберите сами и пришлите в мой день рождения, вечером, через неделю начиная от сегодняшнего дня.

Это заявление, неизвестно по какой причине, искренне развеселило миссис Брадшо.

– Хотите сделать себе подарок? Что за прекрасная мысль!

Ее угловатое лицо осветилось задумчивой улыбкой. Красивой или хотя бы хорошенькой назвать мадам было трудно, зато она могла похвастаться идеальной кожей, густыми рыжими волосами, высоким ростом и роскошной фигурой.

– Мисс Брайерз, могу я спросить: вы девственница?

– Зачем вам это? – насторожилась Аманда.

Красновато-коричневая, идеально выщипанная бровь мадам Брадшо изумленно вскинулась.

– Если вы и в самом деле готовы довериться моему суждению, мисс Брайерз, я должна знать все интимные детали. Не часто женщина, подобная вам, приходит в мое заведение.

– В таком случае…

Аманда набрала в грудь побольше воздуха и затараторила. Куда девались обычные рассудительность и здравый смысл, которыми она всегда гордилась?

– Я старая дева, миссис Брадшо. Через неделю мне исполнится тридцать. И д-да, я все еще д-девица. – Она с трудом выплюнула ненавистное слово и отважно продолжала: – Но это еще не значит, что я должна остаться таковой. Я выбрала именно вас, поскольку все утверждают, будто вы способны выполнить любую просьбу клиента. Я знаю, как вы, должно быть, удивились, увидев у себя такую, как я, но…

– Дорогая, – тихо засмеялась мадам, – то время, когда я еще могла чему-то удивляться, давным-давно миновало. Поверьте, я достаточно хорошо понимаю ваше затруднительное положение и сумею найти вполне приемлемое решение этой проблемы. Но скажите… есть ли у вас какие-то пожелания относительно возраста и внешности? Определенные симпатии и антипатии?

– Хотелось бы, чтобы мужчина был молод, но не моложе меня. И не слишком стар. Не обязательно, чтобы он был красавцем, но и уроды мне неприятны. Да! – неожиданно воскликнула Аманда. – Он должен быть опрятным. Опрятность – мое главное условие.

Карандашик быстро забегал по странице.

– Не вижу никаких сложностей, – заметила миссис Брадшо. В глубине ее больших темных глаз блеснуло что-то, подозрительно напоминавшее смех.

– Кроме того, я настаиваю на соблюдении полной секретности, – резко бросила Аманда. – Если кто-то узнает, что я наделала…

– Дорогая, – перебила миссис Брадшо, поудобнее усаживаясь на софе, – как по-вашему, что стало бы с моим бизнесом, если бы тайны моих клиентов стали

достоянием гласности? Ко мне, если угодно знать, обращаются люди из самых высоких кругов общества, включая и членов парламента, и богатейших лордов, и светских дам. Не беспокойтесь, мисс Брайерз.

– Спасибо, – выдохнула Аманда, переполненная одновременно облегчением, ужасом и неотвязным предчувствием беды. Отчего ей чудится, что она совершила величайшую в своей жизни ошибку?

Глава 1

Аманда с первого взгляда распознала в стоящем на пороге человеке мужчину-проститутку. С того момента, когда она грубо, как беглого каторжника, втолкнула его в прихожую, он в ошеломленном молчании смотрел на нее. Очевидно, для более интеллектуальных занятий у него попросту не хватало мозгов. Но вряд ли на избранном им поприще требуется особый ум!

– Скорее, – прошептала она, беспокойно цепляясь за его мускулистую руку и захлопывая входную дверь. – Как по-вашему, кто-то вас видел? Мне в голову не пришло, что вам взбредет вот так, запросто постучать у входной двери! Разве людей вашей профессии не учат элементарной осторожности?

– Моей… профессии? – озадаченно повторил он.

Теперь, надежно укрывшись от любопытных глаз, Аманда позволила себе более тщательно изучить его. Несмотря на явное тупоумие, он был на редкость привлекателен. Нет, пожалуй, прекрасен… если только подобный эпитет применим к столь неоспоримо мужественному созданию. Настоящий великан, стройный, с плечами, едва умещавшимися в дверном проеме! Черные блестящие волосы аккуратно подстрижены, смуглое лицо с прямым длинным носом и чувственным ртом чисто выбрито.

И в довершение всего на нее смотрели поразительно синие глаза совершенно небывалого оттенка. Аманда видела нечто подобное только в соседней лавке, где один умелец продавал чернила из растения индигоноска и медного купороса, которые кипятил на огне несколько дней, пока смесь не приобретала

синий цвет, такой темный и глубокий, что его скорее можно было принять за фиолетовый. И все же в этих глазах в помине не было того ангельского выражения, которое обычно отождествляют с такой краской. На Аманду был устремлен проницательный, испытующий взгляд человека, рано познавшего весьма неприятные стороны жизни, с какими ей самой ни разу не довелось столкнуться.

Легко можно было понять, почему женщины готовы платить за право побыть в его обществе. Сама мысль о том, чтобы получить в свое полное распоряжение этот великолепный образчик мужского пола, была неодолимой. Настоящее искушение.

Аманда устыдилась своей тайной тяги к нему, того попеременно жаркого и ледяного озноба, который сотрясал ее тело, красных пятен, горевших на скулах.

Она смирилась со своей участью достойной старой девы… и даже сумела убедить себя, что в незамужнем существовании есть немало своих прелестей, что в таком возрасте желания уже не должны одолевать женщину. Она смирилась умом, но не сердцем.

В те времена, когда двадцать девять лет для женщины считались едва ли не старостью, тридцать – знаменовали рубеж, за которым простиралась унылая пустыня одиночества.

«Предводительница обезьян» – вот как называли таких женщин. Ах, если бы только она могла смириться с судьбой!

Аманда вынудила себя смотреть не мигая в эти поразительно синие глаза.

– Буду с вами откровенной, мистер… нет, ваше имя мне знать не обязательно, поскольку знакомство наше продлится недолго. Видите ли, я успела поразмышлять над своим поспешным решением и… и дело в том, что я передумала. Пожалуйста, не примите это как личное оскорбление. Это не имеет ничего общего ни с вами, ни с вашей внешностью, и я непременно постараюсь все объяснить вашей хозяйке, миссис Брадшо. Вы привлекательны и очень пунктуальны, и нисколько не сомневаюсь, весьма искусны в… в избранном вами ремесле. Во всем виновата я. Все мы ошибаемся, и я не исключение. Иногда мои ошибки нельзя исправить, но они бывают и небольшими…

– Погодите, – перебил он, протестующе поднимая руки и не сводя глаз с ее раскрасневшегося лица. – И помолчите немного.

За всю взрослую жизнь никто не посмел затыкать ей рот подобным образом. Изумленно хлопнув ресницами, Аманда честно попыталась перекрыть поток слов, угрожавший сорваться с губ. Незнакомец скрестил руки на мускулистой груди и прислонился к двери. Свет лампы в крохотной прихожей ее модного лондонского дома отбрасывал таинственные тени от его длинных ресниц на классически высокие скулы.

Аманда невольно подумала, что у миссис Брадшо превосходный вкус. Присланный ей мужчина выглядел поразительно ухоженным и процветающим, о чем говорили не только внешность, но и одежда: модная, прекрасного покроя, но неброская: черный сюртук, брюки цвета маренго и черные, отполированные до немыслимого блеска туфли. Крахмальная белая рубашка казалась снежно-белой на фоне золотисто-коричневой кожи, а серый шелковый галстук был повязан простым, но безупречным узлом. Если бы до этого дня Аманде пришлось описывать свой идеал, она набросала бы портрет светлокожего, тонкокостного блондина. Теперь же она была вынуждена полностью пересмотреть свое мнение. Ни один светловолосый Аполлон не мог и близко сравниться с этим грубовато-красивым великаном.

– Вы мисс Аманда Брайерз, – выговорил он наконец. – Романистка.

– Да, я пишу романы, – с вымученным терпением ответила она. – А вы джентльмен, которого миссис Брадшо прислала по моему требованию, не так ли?

– Похоже, что так.

– Так вот, примите мои извинения, мистер… нет, не говорите ничего. Как я уже объясняла, каждый может сделать ошибку, поэтому вы должны уйти. Я, естественно, заплачу вам за беспокойство, хотя ваши услуги больше не требуются, поскольку вина целиком лежит на мне. Только назовите свою обычную таксу, и мы немедленно уладим дело.

Он все еще смотрел на нее, и выражение лица постепенно менялось: озадаченность уступила место заинтересованности, а синие глаза засверкали таким дьявольским весельем, что Аманда нервно дернулась.

– Объясните, какие именно услуги от меня требовались, – мягко предложил он и, оттолкнувшись от двери, надвинулся на нее. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть ему в лицо. – Боюсь, я не успел обсудить детали с миссис Брадшо.

– О, самые простые, – пробормотала Аманда, чье душевное равновесие испарялось все быстрее с каждой секундой. Лицо горело, как обожженное, а стук сердца громом отдавался в каждом уголке тела. – Самые обычные.

Почти ничего не видя, она слепо повернулась к стоящему у стены серповидному столику из атласного дерева, на котором лежала стопка тщательно сложенных банкнот.

– Я всегда плачу долги, и получилось так, что зря побеспокоила вас и миссис Брадшо, поэтому более чем рада компенсировать…

Она со сдавленным стоном осеклась, ощутив на своей руке жесткие пальцы. Нет, это совершенно немыслимо и недопустимо никакими правилами этикета! Посторонний джентльмен просто не вправе прикасаться к леди! Разумеется, еще более немыслимо и недопустимо, чтобы истинная леди нанимала мужчину-проститутку, и все же она сделала именно это.

Изнемогая от стыда, она поклялась про себя повеситься раньше, чем еще раз сотворит подобную глупость.

Окаменев от его прикосновения, она не осмеливалась пошевелиться, даже когда услышала над самым ухом низкий голос, в котором проскальзывали веселые нотки:

– За неоказанные услуги плата не берется.

– Спасибо.

Руки Аманды непроизвольно сжались в крохотные побелевшие от напряжения кулачки.

– Вы очень добры, но я по крайней мере заплачу за экипаж. Вам незачем возвращаться домой пешком.

– Но ведь я еще не ухожу!

Рот Аманды сам собой открылся. Круто развернувшись, она окинула его перепуганным взглядом. То есть как это не уходит?! Что же, его можно заставить откланяться, хочет он того или нет! Она наспех перебрала свои возможности. Увы, таковых было немного. Слуг: лакея, кухарку и горничную – она отпустила на ночь. Значит, отсюда помощи ждать не приходится. И нельзя же криком позвать на помощь констебля! Подобная гласность была бы губительна для ее репутации и писательской карьеры, единственного способа заработка, дававшего средства к существованию. Ничего не поделаешь…

Заметив в фарфоровой стойке зонтик, с солидной дубовой ручкой, она начала осторожно продвигаться вперед.

– Собираетесь отходить меня этой штукой? – вежливо осведомился ее гость.

– Если потребуется.

Ответом послужило веселое фырканье. Незнакомец коснулся ее подбородка, осторожно вынуждая поднять глаза.

– Сэр! – воскликнула она. – Надеюсь, вы не возражаете, если…

– Меня зовут Джек.

Тень улыбки коснулась его губ.

– И я скоро уйду. Но не раньше, чем мы обсудим кое-что. У меня к вам несколько вопросов.

– Мистер Джек, – нетерпеливо вздохнула Аманда, – не сомневаюсь, что так оно и есть, но…

– Джек – это мое имя.

– Прекрасно… просто Джек, – нахмурилась она. – Я была бы весьма благодарна, если бы вы ушли, и как можно скорее.

Но он преспокойно шагнул дальше с таким довольным видом, будто она пригласила его на чай. Приходилось признать, что она была не совсем права, считая его недоумком. По-видимому, он уже оправился от удивления после того, как его рывком втащили в дверь, и теперь выказывал все признаки восстановления умственной деятельности.

Незнакомец оценивающим взглядом окинул ее дом, отметив благородно классические пропорции мебели в ее кремовой с голубым гостиной и столик красного дерева под большим зеркалом в затейливой раме у дальней стены прихожей. Если он надеялся увидеть кричащие безделушки или очевидные признаки богатства, его ждало разочарование. Аманда не выносила претенциозности и непрактичности и поэтому выбирала мебель скорее функциональную, чем модную. Если она покупала кресло, то непременно большое и удобное. Письменный стол должен, по ее мнению, быть достаточно крепким, чтобы выдержать стопку книг или тяжелую лампу. Она терпеть не могла позолоту, фарфоровые статуэтки, резные орнаменты и египетские папирусы, так широко распространившиеся в последний год.

Гость остановился на пороге гостиной.

– Поскольку вы, кажется, вознамерились вытворять все, что в голову взбредет, несмотря на мои желания, входите и садитесь, – сухо велела Аманда. – Могу я что-нибудь вам предложить? Бокал вина, возможно?

Несмотря на сквозивший в ее голосе сарказм, Джек широко улыбнулся.

– Да, если вы ко мне присоединитесь.

Блеск белоснежных зубов, неотразимое сияние его улыбки вызвали странные ощущения, разливавшиеся по ней медленно, но неотвратимо, словно после холодного зимнего дня ей посчастливилось сесть в горячую ванну. Она всегда мерзла. Промозглая лондонская сырость, казалось, проникла в самые ее кости; несмотря на бесчисленные ножные грелки, шали, одеяла, горячие ванны и чай, сдобренный бренди, Аманде почти никогда не бывало тепло.

– Пожалуй, и я выпью вина, – услышала она свой голос. – Прошу вас, садитесь, мистер… то есть просто Джек.

Она послала ему иронический взгляд.

– Поскольку вы оказались в моей гостиной, так уж и быть, можете представиться по всем правилам.

– Нет, – тихо обронил он, по-прежнему улыбаясь глазами. – В подобных обстоятельствах нам лучше звать друг друга просто по именам… Аманда.

Да уж, в наглости ему не откажешь!

Она молча указала ему на кресло и подошла к буфету. Однако Джек остался стоять до тех пор, пока Аманда не налила в бокалы красного вина. Только когда она опустилась на канапе красного дерева, он сел в ближайшее кресло. Яркий огонь в беломраморном камине бросал пляшущие отблески на его блестящие черные волосы и гладкую золотистую кожу. Он просто светился здоровьем и юностью. Аманда даже начала подозревать, что он на несколько лет ее моложе.

– Могу я произнести тост? – справился гость.

– Очевидно, вас все равно не остановишь, – буркнула Аманда.

Он снова мимолетно улыбнулся и поднял бокал:

– За женщину огромной храбрости, неистощимого воображения и неотразимой красоты.

Аманда не выпила. И мрачно наблюдала, как он подносит к губам бокал. До чего же неприлично с его стороны ворваться в дом, отказаться уйти, когда попросили, а потом еще и издеваться над хозяйкой!

Она достаточно честна и умна, чтобы беспристрастно оценивать себя. Никакая она не красавица. Пожалуй, ее можно, не кривя душой, назвать симпатичной, да и то если полностью игнорировать тот идеальный женский образ, который высоко ценится в обществе. Мало того что Аманда коротышка, так еще не отличается особенной стройностью, и если слишком снисходительный человек назовет ее фигуру пышной, то менее снисходительный посчитает просто толстушкой. А волосы! Рыжевато-каштановая буйная грива локонов, ненавистных локонов, которые не уложишь и не выпрямишь никакими средствами и способами! Да, кожа у нее неплохая: ни оспин, ни прыщиков, а один из наиболее доброжелательно настроенных друзей семьи назвал ее глаза милыми. Обычные серые глаза, которые не оживлял ни малейший оттенок голубого или зеленого.

Лишенная физической красоты, Аманда предпочла развивать ум и воображение, что, как мрачно изрекала мать, и стало последним ударом судьбы.

Джентльменам вовсе не были нужны жены с развитым умом. Они хотели иметь под боком привлекательную девицу, которая смотрела бы им в рот и соглашалась с каждым словом. И уж конечно, им было совершенно ни к чему воображение в супруге, да еще такой, которая день и ночь грезила о выдуманных персонажах.

Вот так и вышло, что хорошенькие старшие сестры Аманды благополучно нашли себе мужей, а ей остались ее романы.

Проницательные глаза гостя продолжали пристально изучать ее.

– Объясните, почему женщине с вашей внешностью приходится нанимать мужчину для постели?

Такая откровенная дерзость оскорбила Аманду. И все же… было что-то неожиданно занимательное в перспективе разговора с мужчиной без обычных, навязываемых обществом ограничений.

– Во-первых, – язвительно заметила Аманда, – совершенно ни к чему льстить мне, изображая какой-то Еленой Троянской, когда всем нормальным людям ясно, что никакая я не красавица.

Этим она заслужила очередной непонятный взгляд.

– Вот тут вы ошибаетесь, – мягко ответил он.

Аманда решительно покачала головой.

– Очевидно, вы считаете меня дурочкой, которая легко проглотит любую лесть, или же у вас слишком низкие критерии. Так или иначе, сэр, это неправда.

Уголок его губ слегка дернулся в улыбке.

– Вижу, с вами трудно спорить. Вы всегда так безапелляционны в своих мнениях?

Она скупо ответила на его улыбку.

– К несчастью, да.

– Почему же быть категоричной – несчастье?

– Такое качество в мужчине достойно восхищения. В женщине же считается недостатком.

– Я так не думаю.

Он снова пригубил вина и, немного расслабившись, вытянул длинные ноги. Судя по виду, он приготовился к долгой беседе, и это Аманде не понравилось.

– Я не позволю вам уклониться от вопроса, Аманда. Объясните, почему вы наняли мужчину на вечер.

Его внимательный взгляд побуждал ее к откровенности.

Аманда стиснула хрупкую ножку бокала.

– Сегодня мой день рождения.

– Сегодня? – тихо рассмеялся Джек. – Поздравляю.

– Спасибо. А теперь, может, все же уйдете?

– О нет. Тем более что я ваш подарок. Составлю-ка я вам компанию. В такой знаменательный вечер не годится оставаться одной. Давайте угадаю… сегодня начался ваш тридцатый год жизни.

– Откуда вы знаете?

– Женщины всегда странно реагируют на собственное тридцатилетие. Я знал такую, которая задрапировала черным все зеркала, словно в доме кто-то умер.

– Она скорбела по ушедшей молодости, – коротко пояснила Аманда, сделав большой глоток и чувствуя, как потеплело в груди. – И страдала оттого, что отныне ее будут именовать особой средних лет.

– Но вы не особа средних лет. Наоборот, вы как раз созрели. Как оранжерейная красотка.

– Вздор, – буркнула она, раздраженная тем неоспоримым фактом, что его лесть, хоть и пустая, породила слабую волну удовольствия. Может, всему причиной было вино или сознание того, что после этого вечера они никогда не увидятся, но ей вдруг захотелось высказать все, что было на уме.

– Меня можно было назвать спелой десять лет назад. Теперь я просто высохла, а не пройдет еще десяти лет, как меня можно пускать на удобрение вместе с другими такими же неудачницами.

Джек, смеясь, покачал головой, отставил бокал и сбросил сюртук.

– Прошу прощения, но здесь как в печи. Вы всегда так топите?

Аманда настороженно наблюдала за ним.

– На улице сыро, а я всегда мерзну. Дома я обычно ношу чепец и шаль.

– Я мог бы предложить другие способы согреться, – сообщил он и, не спрашивая разрешения, сел рядом. Аманда отодвинулась как можно дальше, отчаянно цепляясь за остатки самообладания, но в душе была несколько встревожена близостью этого массивного мужского тела, неизведанной доселе возможностью сидеть рядом с мужчиной в рубашке. Его запах щекотал ноздри, и она жадно вдыхала смесь завлекательных ароматов: мужской кожи, белья, пряный оттенок дорогого мужского одеколона. Раньше ей в голову не приходило, что мужчина может так чудесно пахнуть. Мужья ее сестер такими свойствами не обладали. В отличие от этого типа они были людьми солидными, респектабельными: один преподаватель привилегированной школы, другой – богатый торговец, которого недавно произвели в рыцари.

– Сколько вам лет? – неожиданно выпалила Аманда, сводя брови.

Какую-то долю секунды Джек поколебался, прежде чем ответить:

– Тридцать один. Смотрю, вы весьма озабочены цифрами, не так ли?

Аманда подумала, что для тридцати одного года он выглядит чересчур молодо. Такова еще одна несправедливость судьбы: мужчины в отличие от женщин часто выглядят моложе своих лет.

– Да, мне тридцать, – призналась она. – Однако завтра я уже не буду думать о своем дне рождения. Смело встречу оставшиеся мне годы и попытаюсь жить в свое удовольствие.

Ее прагматичный настрой, казалось, позабавил его.

– Господи Боже, женщина, вы рассуждаете так, будто стоите на краю могилы! Вы привлекательны, умны, добились известности и находитесь в расцвете сил и молодости.

– Я вовсе не привлекательна, – вздохнула она.

Джек положил руку на спинку канапе, очевидно, не заботясь о том, что занял почти все сиденье и оттеснил ее в угол. Его взгляд медленно, с приводившей в замешательство скрупулезностью скользил по ней.

– У вас превосходная кожа, идеально очерченный рот…

– Слишком велик, – перебила она.

Он долго смотрел на ее губы и почему-то ворчливо ответил:

– Ваш рот прекрасно подходит для того, что у меня на уме…

– И я толстая, – продолжала Аманда, преисполнившись решимости перечислить все свои дефекты.

– Скорее, пухленькая. Очень соблазнительно.

– И мои злосчастные волосы вьются так, что я похожа на дикарку.

– Неужели? Распустите их и дайте мне взглянуть.

– Что?!

Возмутительно наглый приказ неожиданно вызвал у нее взрыв смеха. Нет, такого самоуверенного, самонадеянного мерзавца она еще не встречала!

Он осмотрел уютную комнату и вновь смерил Аманду дьявольски синим взглядом.

– Но ведь все равно никто не увидит. Неужели вы никогда не распускали волос перед мужчиной?

Тишину в гостиной нарушали только тихое потрескивание огня в камине и звук их дыхания. Нет, до этого дня Аманда не испытывала ничего подобного и теперь, честно говоря, боялась себя самой. Кто знает, на что она окажется способной.

Она коротко тряхнула головой. Что тут поделать? Он чужой человек. Она наедине с ним, в пустом доме и, что ни говори, более или менее находится в его власти. Впервые за очень долгое время Аманда оказалась в ситуации, которую не могла контролировать. И даже винить некого. Все это она сотворила собственными руками.

– Вы, случайно, не задумали соблазнить меня? – прошептала она.

– Вам нет причин меня бояться. Я никогда бы не стал навязываться даме.

Конечно, разве в этом есть нужда? Вероятнее всего, он в жизни не слышал от женщины слова «нет».

Ничего не скажешь, это, вне всякого сомнения, одно из самых волнующих событий в ее жизни. До сих пор существование Аманды было на редкость серым и скучным, если не считать приключений, в которые то и дело попадали ее персонажи. Нужно сказать, что герои ее романов говорили и делали все то, на что сама она никогда не осмелилась бы.

Собеседник, словно прочитав ее мысли, лениво улыбнулся и подпер рукой подбородок. Если он и в самом деле пытается обольстить ее, то при этом не слишком спешит.

– Вы в точности такая, как я и представлял. Я читал ваши романы… то есть по крайней мере последний. Немногие женщины пишут, как вы.

Аманда не любила обсуждать свою работу. Ей всегда становилось неловко от цветистых похвал, а мнение критиков раздражало. Однако по какой-то неведомой причине ей очень хотелось услышать суждение этого человека.

– Не ожидала, что пр… мужчина вашей про… то есть чичисбей, читает романы.

– Нужно же чем-то занять свободный часок, – рассудительно возразил он. – Нельзя же все время валяться в постели. Кстати, слово «чичисбей» имеет несколько другой смысл.

Одним глотком осушив бокал, Аманда, вдруг почувствовав необходимость в еще одном бокале, устремила жадный взгляд в направлении буфета.

– Пока не стоит, – предупредил Джек, забирая пустой бокал и ставя на маленький столик у нее за спиной. При этом он навис над ней, и Аманда сжималась в комочек, пока не оказалась на подлокотнике.

– Я не смогу соблазнить вас, если слишком много выпьете, – пояснил он. Теплое дыхание коснулось ее щеки, и хотя их тела не соприкоснулись, она остро ощутила скрытую в нем силу.

– Трудно п-представить такую с-совестливость в мужчине, – заикаясь, выговорила она.

– Боюсь, именно этим качеством я не обладаю, – жизнерадостно заверил Джек. – Просто не люблю легких побед. А если вы переберете спиртного, мне и трудиться не придется.

– Вы спесивый, тщеславный… – негодующе начала Аманда, но тут же умолкла, заметив в его глазах лукавые искорки. Значит, он намеренно ее дразнит!

Она не знала, радоваться или жалеть, когда он отодвинулся. Робкая улыбка расцвела на ее губах.

– Вам понравился мой роман? – не выдержала она.

– Очень. Сначала я подумал, что имею дело с очередным дамским рукоделием, но постепенно меня захватило развитие сюжета, а особенно поведение героев. Интересно было наблюдать, как порядочные люди опускаются до обмана, насилия, предательства… похоже, в своем творчестве вы ничего не чураетесь.

– Критики считают, что мои произведения лишены благопристойности.

– Их выводит из себя идея, лежащая в основе ваших книг: обычные люди при определенных обстоятельствах способны на экстраординарные поступки.

– Вы действительно читали мою книгу, – удивленно охнула она.

– Которая заставила меня задаться вопросом: какую жизнь на самом деле ведет правильная и чинная мисс Брайерз.

– Теперь вы знаете. Я та женщина, которая нанимает себе в подарок чичисбея на день рождения.

Вынужденное признание было встречено сдавленным смехом.

– Опять вы употребили слово не к месту!

Он бесцеремонно оглядел ее, а когда снова заговорил, голос неуловимо изменился. Веселье ушло, сменившись новыми интонациями, в которых даже неопытная Аманда распознала чувственные нотки.

– И поскольку вы еще не попросили меня удалиться… распустите волосы.

Аманда не пошевелилась, уставясь на него круглыми немигающими глазами. Выждав немного, он тихо спросил:

– Боитесь?

О да. Всю свою жизнь она боялась этого: риска, возможного отказа, насмешек, издевательств… она даже опасалась разочароваться, обнаружив, что близость с мужчиной на самом деле так омерзительна и гнусна, как уверяли сестры. Однако совсем недавно она поняла, что есть нечто такое, чего она страшится еще больше: никогда не узнать той великой, соблазнительной тайны, которая, похоже, стала достоянием всего остального человечества. Аманда так хорошо описывала в своих романах страсть и порожденные ею томление, безумие и экстаз, словом, все чувства, которые самой не довелось и не доведется испытать. Но почему? Ей не выпало на долю быть любимой настолько, чтобы мужчина предложил соединить их жизни. Но разве это означает, что она навсегда обязана остаться нежеланной, ненужной, невостребованной? Сколько ночей может быть в жизни женщины? Двадцать тысяч? Двадцать пять? Так вот, хотя бы одну из них она не хочет провести в одиночестве.

Рука, казалось, по собственной воле потянулась к шпилькам. Последние шестнадцать лет она закалывала волосы одинаково: сворачивала волнистые

пряди в аккуратный узел и укладывала на затылке. Для такой прически требовалось ровно шесть шпилек, зато узел был надежно скреплен. По утрам голова всегда казалась аккуратной, но к концу дня множество мелких завитков выбивались на волю, образуя пушистый нимб вокруг лица.

Одна шпилька… две… три… Она вынимала их и сжимала в руке, так что острые концы впивались в мягкую плоть ладони. Освобожденная масса тяжело упала на плечо.

Синие глаза вспыхнули. Джек порывисто протянул руку, но тут же спохватился.

– Можно? – выдохнул он.

До этой минуты ни один мужчина не спрашивал разрешения коснуться ее.

– Да, – ответила Аманда, хотя потребовалось две попытки, чтобы слово прозвучало достаточно ясно. Она закрыла глаза, почувствовала, как Джек придвинулся ближе, и кожу на голове закололо сотнями иголок, когда он принялся перебирать длинные локоны, распуская скрученную гриву, задевая затылок, раскидывая рыжеватую мантию по спине и плечам.

Широкая ладонь легла на ее пальцы, осторожно разжимая кулачок, заставляя ронять шпильки. Большой палец разгладил крохотные красные вмятинки от концов шпилек. Твердые губы нежно дотронулись до ссадинок.

Его жаркий шепот настиг ее, как выстрел:

– Ваша рука пахнет лимоном.

Она открыла глаза и мрачно воззрилась на него.

– Я протираю руки лимонным соком, чтобы свести чернильные пятна.

Объяснение, похоже, немало его позабавило, и к огню во взоре прибавились смешливые искорки. Он отпустил ее руку и принялся играть с непослушным локоном, то и дело задевая за ее плечо и заставляя замирать от предвкушения.

– Скажите, почему вы отправились к миссис Брадшо, вместо того чтобы соблазнить кого-то из знакомых?

– По трем причинам, – выдавила она, сознавая, что слова застревают в горле, потому что он продолжал гладить ее волосы. Предательский румянец окрасил лицо и шею. – Прежде всего я не хотела спать с человеком, которого могу встретить в обществе. Во-вторых, я просто не знаю, как обольстить мужчину.

– Этому легко научиться, красотка.

– Что за дурацкое прозвище, – неуверенно рассмеялась она. – Не называйте меня так.

– И в-третьих… – напомнил он.

– В-третьих… мне не нравится никто из знакомых мужчин. Я пыталась представить, как это будет, но ни один не привлекал меня настолько, чтобы обратить на него внимание.

– А какого рода мужчины вас привлекают?

Аманда слегка подскочила, обнаружив, что его пальцы обводят вырез на спине.

– Ну… прежде всего не красавцы.

– Почему?

– Потому что красоте всегда сопутствует тщеславие.

Джек неожиданно ухмыльнулся:

– Из этого, по-вашему, следует, что уродство есть первый признак добродетели?

– Я не это имела в виду, – запротестовала она. – Просто предпочитаю мужчину с обычной внешностью.

– А как насчет характера?

– Спокойный, не хвастливый, не высокомерный, умный, не самодовольный и добродушный.

– Думаю, красотка, что ваш идеал – это само воплощение посредственности. И к тому же вы лжете, поскольку хотите вовсе не этого.

Аманда раздраженно свела брови.

– Позвольте заверить, что я никогда не лгу!

– Тогда скажите, что не желаете встретить человека, похожего на персонажа ваших романов. Как, например, героя последнего.

Аманда пренебрежительно фыркнула.

– Аморальное, беспринципное животное, которое доводит до гибели и разорения не только себя, но и окружающих? Дикарь и варвар, способный взять женщину против ее желания? Он не герой, сэр, и я ввела его в роман, только чтобы показать, какими последствиями грозит подобное поведение!

Увлекшись любимой темой, она негодующе добавила:

– И читатели еще смеют жаловаться, что у романа нет счастливого конца, когда вполне очевидно, что этот человек такового просто не заслуживает!

– Но в глубине души вы ему симпатизируете, – бросил Джек, не сводя с нее пристального взгляда. – Это видно из самого романа.

Аманда натянуто улыбнулась.

– Ну… разве что в мечтах. Иногда у меня бывают разные фантазии, видите ли. Но разумеется, не в реальной жизни.

Пальцы на ее шее сжались, нежно, но вполне ощутимо.

– В таком случае вот ваш именинный подарок, Аманда. Ночь фантазий.

Он навис над ней, загораживая свет головой и широкими плечами, когда наклонился поцеловать ее.

Глава 2

– Подождите, – выдохнула Аманда, охваченная предательской паникой, и резко отвернулась. Но его губы прижались к ее щеке, и она потрясенно отдалась на волю захлестнувшей волне жара. – Подождите, – повторила она, но голос дрогнул.

Желтые отблески огня слепили глаза, и все, о чем она думала в этот момент, – как избежать настойчивых поцелуев незнакомца. Его губы нежно скользили по ее щеке, к уху, попутно захватывая крохотные прядки волос.

– Тебя когда-нибудь целовали, Аманда?

– Конечно! – с некоторой гордостью заверила она, хотя объяснить, что ничего подобного этому с ней не происходило, не было никакой возможности. Украденный поцелуй в саду или равнодушные объятия под рождественской омелой ни в малейшей степени не сравнимы с ласками этого человека, возможностью вдыхать его запах, ощущать тепло кожи сквозь полотно рубашки.

– Я… думаю, вы весьма поднаторели в этом… учитывая вашу профессию, – пролепетала она, чем заработала широкую улыбку.

– Хотите проверить?

– Прежде всего я хочу кое о чем спросить. Как… как долго вы этим занимаетесь?

Он мгновенно понял, о чем она.

– Работаю на миссис Брадшо? Совсем недавно.

Интересно, что побудило такого человека продавать себя? Может, он потерял работу или его выгнали за какую-то провинность? А что, если он наделал долгов и теперь нуждается в деньгах? С его внешностью, остроумием и хорошими манерами он мог бы найти немало подходящих занятий. Значит, либо он совершенно отчаялся, либо слишком ленив и распутен.

– У вас есть родные? – осведомилась она.

– Не те, о которых стоит упоминать. А у вас?

Услышав, как изменился его тон, Аманда подняла голову. Теперь его глаза были серьезными, а лицо казалось столь сурово-прекрасным, что ее грудь заныла от непонятного удовольствия.

– Мои родители умерли, но остались две старшие сестры, обе замужем, и не счесть племянников и племянниц.

– А почему вы не замужем?

– А почему вы не женаты? – спросила она в тон.

– Слишком люблю свою независимость, чтобы пожертвовать хотя бы частью.

– Знаете, и я могла бы привести тот же довод. Кроме того, всякий, кто хорошо меня знает, подтвердит, что я упряма и неуступчива.

Джек лениво улыбнулся.

– Вам просто требуется правильное обхождение.

– Обхождение? – язвительно бросила она. – Может, соизволите объяснить, что это, по-вашему, значит?

– Это значит, что в руках мужчины, хорошо разбирающегося в женщинах, вы будете мурлыкать, как разнеженный котенок.

Раздражение и смех вскипели в ее душе… что за неисправимый повеса! Но ее не проведешь никакими обольстительными взглядами! Хотя его поведение вполне можно было назвать игривым, за ним что-то крылось: нечто вроде терпеливой наблюдательности, ощущения сдержанной силы, заставлявших ее нервничать и настораживаться. О нет, он не пустой зеленый мальчишка, а зрелый мужчина. И хотя ее трудно назвать светской, умудренной жизнью женщиной, она понимала: судя по взгляду, он чего-то хочет от нее: то ли подчинения, то ли благосклонности, то ли согласия отдаться или… или просто денег.

Продолжая смотреть ей в глаза, он потянулся к серому шелковому галстуку, ослабил узел и стал развязывать, медленно, будто опасаясь вспугнуть ее резким движением. Под ее испуганным взглядом он расстегнул первые три пуговки рубашки, откинулся на спинку канапе, продолжая изучать ее раскрасневшееся лицо.

В детстве Аманде иногда удавалось увидеть поросшую волосами грудь отца, когда тот разгуливал по дому в халате, и, кроме того, ей не раз встречались рабочие и фермеры с расстегнутыми рубашками. Однако ничего подобного этому она не помнила. Торс этого мужчины казался высеченным из бронзы, а под туго натянутой кожей перекатывались бугры мышц. Его плоть казалась твердой, упругой и одновременно такой теплой! Огненные зайчики плясали по выпуклостям, тени таились в углублениях мускулов и треугольной впадинке у основания шеи.

Ей до смерти хотелось коснуться его. Припасть губами к этой интригующей впадинке и глубоко вдохнуть искусительный запах.

– Иди сюда, Аманда, – едва слышно приказал он.

– Не могу, – пролепетала она. – Д-думаю, вам пора идти.

Джек подался вперед и двумя пальцами поймал ее запястье.

– Я не причиню тебе боли, – прошептал он. – Не сделаю ничего такого, что тебе не понравится. Но прежде чем покину этот дом, я сожму тебя в своих объятиях.

Смущение и желание боролись в ней, лишая сил и воли. Она чувствовала себя утлым суденышком без якоря, несущимся по воле волн.

Он привлек ее к себе. Провел широкой ладонью по ее спине, оставляя огненный след. Он был так горяч, будто под гладкой золотистой поверхностью пылал неутомимый огонь.

Тяжело дыша, Аманда закрыла глаза, вздрагивая, наслаждаясь теплом, проникающим до самого мозга костей. Впервые в жизни голова ее упала на мужское плечо, а глаза глянули в затененное лицо.

Почувствовав, как она дрожит, он что-то тихо проворковал и прижал ее к себе.

– Не бойся, mhuirnin. Я не обижу тебя.

– Как ты назвал меня? – удивилась она.

– Так… ласковое словцо, – уклончиво буркнул он, но тут же улыбнулся: – Ты еще не поняла, что я наполовину ирландец?

Это объясняло его выговор, мелодичные переливы бархатистого голоса. Да, в нем наверняка течет кровь кельтов! Кроме того, теперь понятно, почему он работает на миссис Брадшо! Очень часто хозяева отдавали предпочтение менее умелым и опытным англичанам над ирландцами, оставляя кельтам самый грязный и тяжелый труд.

– Ты не любишь ирландцев? – выпалил Джек, глядя ей в глаза.

– Дело вовсе не в этом, – зачарованно выговорила она. – Просто подумала, что именно поэтому у тебя такие черные волосы и синие глаза.

– Chuisle mo chroi, – обронил он, откидывая локоны с ее круглого личика.

– А это что означает?

– Когда-нибудь я объясню. Когда-нибудь.

Он долго прижимал ее к себе, пока она, насытившись его теплом, не ощутила, как постепенно отпускает напряжение. Как становится легко на душе. Его

пальцы скользнули по высокому вороту ее платья в оранжево-коричневую полоску, к муслиновой оборке. Очень осторожно и не спеша он расстегнул несколько пуговок, обнажив нежную прохладную шею. Аманда, похоже, не могла справиться с собой и судорожно втягивала воздух пересохшим ртом, не замечая, как нервно вздымается грудь. Джек неожиданно наклонил голову, и Аманда что-то несвязно простонала, когда его губы чуть прижались к ее шее.

– Ты такая сладкая… – признался он, и у Аманды мурашки пошли по коже. Почему она, часто рисуя в мечтах близость с мужчиной, обязательно представляла темноту, настойчивость, даже грубость, неловкость и необходимость действовать ощупью? И совсем не ожидала игры пламени и терпеливого, почти благоговейного изучения ее тела.

Губы Джека проложили бархатную дорожку к чувствительной раковинке ее уха, немного поиграли с мочкой, и Аманда изумленно дернулась, когда кончик его языка проник в крошечную пещерку.

– Джек, – прошептала она, – ты совсем не обязан разыгрывать передо мной любовника. Честное слово… ты очень добр, если готов притвориться, что я желанна тебе, но…

Она кожей ощутила, как он улыбнулся.

– Ты совсем невинна, mhuirnin, если воображаешь, будто мужское тело способно реагировать подобным образом из чистой доброты.

Только сейчас Аманда ощутила, как что-то твердое и тяжелое давит на бедро, и немедленно оцепенела. И залилась краской. Мысли хаотично кружились в голове, как снежинки под ураганным ветром. Но несмотря на стыд, ее одолевало любопытство. Теперь, когда ноги их переплелись, а ее юбки задрались до колен, она ощущала упругость его сильных бедер и жесткий ком вздыбленной плоти. Ее никогда еще не прижимали к возбужденному мужскому телу.

– Это твой шанс, Аманда, – убеждал он. – Делай со мной все, что пожелаешь.

– Я не знаю, что делать, – неуверенно объяснила она.

Он засмеялся и снова припал ртом к ее шее, к тому месту, где бешено бился пульс. Ситуация казалась настолько фантастической, настолько за границами и пределами ее жизненного опыта, что она чувствовала себя кем-то другим. Во всяком случае, не обычной Амандой Брайерз. Старая дева, с ее перьями, бумагой и измазанными чернилами пальцами, смехотворными чепцами и ножными грелками, превратилась в новое создание: нежное… уязвимое… способное желать и быть желанной.

Она вдруг осознала, что всегда немного боялась мужчин. Некоторые женщины так легко понимали представителей противоположного пола, ей же это было не дано. Кроме того, даже в расцвете юности она не пользовалась успехом у мужчин. С ней никогда не флиртовали, за ней никогда не ухаживали. С ней говорили только на серьезные темы, обращались уважительно и с почтением, не подозревая, что она мечтает совсем о другом. Чтобы и ей хоть раз сделали непристойное предложение.

И вдруг является этот великолепный мужчина, несомненно, отъявленный негодяй, который, как оказалось, более чем готов залезть к ней под юбку. Почему бы не позволить ему определенные вольности? Что хорошего дала ей добродетель? Целомудрие не согреет в постели, и ей это было известно лучше, чем кому бы то ни было.

Аманда смело вцепилась в распахнутые полы рубашки Джека и притянула к себе его голову. Он немедленно подчинился: его губы едва коснулись ее рта. И снова по телу разлилось тепло. Удар наслаждения почти парализовал ее. Его тело налилось тяжестью. Его язык дразнил, обводя контуры ее губ, пока она не приоткрыла рот. И тогда язык проник внутрь, гладя и лаская, и она отпрянула бы в ужасе, если бы ее голова не покоилась так надежно в изгибе его руки. Жгучие ощущения разлились внизу живота и в тех частях тела, которые она не смела назвать вслух. Она ждала, когда он снова попробует ее на вкус… о, его поцелуи казались такими странными… интимными… и волнующими, и она не могла сдержать тихий стон, рвавшийся из горла. Ее тело медленно расслабилось, а руки легли на его голову, лаская жесткий черный шелк волос, коротко стриженные локоны, сужающиеся углом на затылке.

– Расстегни мне рубашку, – пробормотал он, продолжая целовать ее, пока она возилась с пуговицами его жилета и застежкой полотняной рубашки. Тонкая ткань была теплой и душистой, пропитанной запахами его тела и смятой в тех местах, где заправлялась в брюки. Кожа торса была гладкой и золотистой, и

любое прикосновение Аманды заставляло мышцы сокращаться. Жар, исходивший от него, манил ее, как солнечный зайчик – кошку.

– Джек, – задохнулась она, пробираясь под его рубашку и гладя широкую спину, – я не хочу заходить дальше. Этого подарка мне вполне достаточно.

Он только хмыкнул, припадая губами к ее шее.

– Согласен.

Она прильнула к его обнаженной груди, жадно впитывая тепло и запахи.

– О, это ужасно!

– Что тут ужасного? – удивился он, продолжая играть с ее локонами и нежно поглаживая большим пальцем чувствительное местечко на виске.

– Потому что иногда лучше не знать, чего лишаешься.

– Милая, – прошептал он, вновь крадя поцелуй с ее уст, – милая, позволь мне остаться еще ненадолго.

И прежде чем Аманда успела ответить, поцеловал ее еще крепче, чем раньше: большие руки зарылись в массу растрепанных завитков и сжали ее голову. Она всем существом устремилась к его губам и телу, не в силах запретить себе прижаться к нему как можно теснее. Глубочайшее физическое возбуждение, подобного которому она доселе не испытывала, продолжало нарастать, и она выгнулась натянутой струной, пытаясь успокоиться. Он был силен, огромен, и скрытой в нем мощи было достаточно, чтобы при желании одолеть ее, сломать. И все же удивительная нежность обволакивала ее, и Аманда гадала, почему совсем не боится его, хотя должна бы. Ее с детства учили, что мужчинам нельзя доверять, что эти опасные создания не в силах совладать с собственными страстями. И все же с этим человеком она чувствовала себя в полной безопасности.

Аманда положила ладони ему на грудь, в распахнутый ворот, и под ладонью быстро забилось сердце.

Он отстранился и посмотрел на нее глазами такими темными, что синева, казалось, растворилась во мраке ночи.

– Аманда, ты веришь мне?

– Разумеется, нет. Я ничего о тебе не знаю.

Он беззвучно рассмеялся.

– Разумная женщина.

Его пальцы забегали по пуговицам ее лифа, ловко высвобождая пластинки резной слоновой кости из петель.

Аманда закрыла глаза, чувствуя, как сердце трепещет подобно крыльям пойманной птички. Но она продолжала твердить себе, что после сегодняшнего вечера никогда больше его не увидит. Она позволит себе все запретные вещи, а потом навсегда сохранит память о них в потаенном уголке души. Только для себя одной. А когда состарится и привыкнет к одиночеству, с ней навсегда останется воспоминание о ночи, проведенной с красивым незнакомцем.

Полосатая ткань распахнулась, открыв сорочку из шелковистого полупрозрачного полотна, стянутую корсетом на косточках, застегнутым спереди на крючки. Может, объяснить ему, как расстегивается корсет?

Но тут же стало очевидным, что Джек хорошо знаком с тайнами дамских туалетов и это не первый увиденный им корсет. Чуть сжав ее ребра, он свел концы корсета вместе и с необычайной легкостью вынул крючки из петелек, а потом уговорил Аманду высвободить руки из рукавов. Теперь она лежала перед ним, слегка прикрытая тонкой просвечивающей сорочкой, и казалась себе совершенно нагой. Руки подрагивали от напряжения. Один Бог знает, чего ей стоило внешнее спокойствие. Так и хотелось схватить лиф платья и закутать плечи.

– Замерзла? – участливо спросил Джек, заметив предательскую дрожь, и покрепче прижал ее к груди. Такой могучий, сильный, живой, способный согреть и утешить… и Аманду снова затрясло, но теперь уже по совершенно иной

причине.

Джек спустил вниз бретельку сорочки и припал губами к белому изгибу плеча. Длинные пальцы нежно провели по округлости груди. Горячая, чуть влажная ладонь сжала пухлый холмик, пока сладко занывший сосок не затвердел и не приподнялся. Кончики пальцев играли с ней, гладя сквозь прозрачную ткань, слегка пощипывая. Аманда закрыла глаза и, повернув голову, прижалась ртом к его щеке, возбужденная прикосновением к слегка колючей поверхности, провела пульсирующими губами до того места на шее, где начиналась гладкая шелковистая кожа.

И услышала, как Джек что-то прошептал на гэльском, невнятно и страстно. Его ладони вновь сжали ее голову. Он опустил Аманду на подушки канапе и поймал ртом ее грудь. Он целовал и дразнил языком мягкие полушария, пока у нее голова не пошла кругом.

– Помоги мне снять твою сорочку, – хрипло попросил он. – Пожалуйста, Аманда.

Она поколебалась, но все же позволила ему стянуть сорочку до талии, оставив ее торс совершенно нагим. Казалось просто немыслимым, что она лежит распростертая на канапе на глазах у незнакомого мужчины, полуголая, а на полу валяется корсет.

– Мне не следовало делать это, – дрожащим голосом прошептала она, безуспешно стараясь закрыть руками полные груди. – Мне вообще не нужно было пускать тебя на порог.

– Верно, – кивнул он с кривой улыбкой, снимая свою рубашку и обнажая торс, слишком мускулистый и великолепно вылепленный, чтобы казаться настоящим. Невыносимое напряжение копилось в ней, и она принялась бороться со скромностью и многолетними запретами, когда он наклонился ближе.

– Мне остановиться? – спросил он, прижимая ее к могучему телу. – Я не хочу пугать тебя.

Ее щека была прижата к его плечу, и Аманда втайне наслаждалась поразительной возможностью ощутить его плоть. Она никогда не чувствовала себя столь беззащитной, никогда не жаждала быть столь беззащитной.

– Я не боюсь, – медленно, как во сне, протянула она, отводя руки в стороны, так, чтобы прильнуть грудью к его груди.

Мучительный стон сорвался с его языка. Он зарылся лицом в ее шею, целуя, постепенно спускаясь все ниже, припадая ртом к ее соску. Язык терзал чувствительный бугорок, и она закусила губу, чтобы не закричать. Язык медленно обводил сосок, пробуя на вкус, щекоча, обжигая. Потом Джек воздал должное другой груди, заставляя Аманду извиваться и капризно жаловаться на его медлительность, его сводящую с ума неторопливость, словно он понятия не имел о времени и был готов целую вечность наслаждаться ее телом.

Он поднял ее юбки и устроился между бедер, так что жесткий стержень, распирающий ширинку, прижался к ее панталонам в том месте, где тонкое полотно заметно повлажнело. Аманда лежала неподвижно, умирая от желания приподняться и принять его тяжесть. Опершись локтями о подушки по обе стороны от ее головы, Джек жадно смотрел в ее раскрасневшееся лицо и покачивал бедрами. Аманда охнула, почувствовав, как он потерся именно о то место, которое горело больше всего. До чего же порочен этот человек, если точно знает, что ей нужно!

Наслаждение распространилось от интимного местечка между ног по всему ее существу. Она была пьяна от радости, наполнена некоей живительной энергией и невыносимо возбуждена.

Аманда, тихо вскрикнув, сцепила руки у него на спине и вновь ощутила, как перекатываются бугры мышц при каждом движении.

Но между ними по-прежнему оставалась преграда в виде одежды: брюки, белье и туфли, не говоря уже о целой груде ее юбок. Ей вдруг захотелось избавиться от всего, прижаться к его голому телу своим, и это желание потрясло ее. Он, похоже, понял это, потому что неуверенно рассмеялся и сжал ее руку.

– Нет, Аманда… сегодня ты останешься девственной.

– Почему?

Его ладонь накрыла ее грудь, слегка сжала. Полуоткрытый рот скользнул по ее шее.

– Потому что тебе сначала следует кое-что узнать обо мне.

Теперь, когда вероятность того, что он не овладеет ею, стала вполне реальной, именно этого Аманде захотелось больше всего на свете.

– Но я никогда тебя не увижу, – обиделась она. – И сегодня мой день рождения.

Джек весело хмыкнул, блестя глазами, и, властно целуя ее в губы, прошептал на ухо что-то нежное. Никто, кроме него, не говорил ей ничего подобного. Людей пугали ее самообладание, деловитость и уверенность в себе. Ни одному мужчине до Джека не приходило в голову назвать ее милой, дорогой, обожаемой… и, уж конечно, никто не заставлял ее чувствовать себя таковой. Она и упивалась, и ненавидела то воздействие, которое он производил на нее, возмутительную жгучую влагу, переполнявшую глаза, жар страсти, испепелявший тело. Теперь она точно знала, почему никогда не должна была нанимать этого таинственного мужчину. И в самом деле, уж лучше не знать ни о чем подобном, если не можешь получать это снова и снова.

– Аманда, – прошептал он, неверно поняв причину непролитых слез, – сейчас тебе будет лучше… только не двигайся… Позволь мне…

Он шарил у нее под юбкой, пока не нашел завязки панталон и не дернул за узел. Перед глазами Аманды все плыло, но она лежала, не двигаясь и трепеща, вцепившись в его плечи. Он коснулся ее мягкого живота, легко обвел большим пальцем пупок; пальцы скользнули вниз, к тому месту, до которого прежде не дотрагивался ни один мужчина. Того места, до которого она старалась никогда не дотрагиваться сама. Большая ладонь пригладила жесткие завитки, кончики пальцев проникли внутрь, отчего ее бедра конвульсивно дернулись. Его ирландский акцент казался сильнее, отчетливее, чем прежде:

– Именно здесь ноет больше всего, mhuirnin?

Она охнула куда-то ему в шею. Его пальцы дразнили и потирали ошеломляюще чувствительное местечко, крохотную горошинку плоти, пробудившуюся от его ласк. Ее лоно, груди, голова налились жаром. Она превратилась в добровольную

пленницу его нежности, хотя все ее существо пульсировало от макушки до кончиков пальцев. Один палец погрузился еще глубже, и потаенные мышцы порывисто сжали его, заковав в сладкий капкан. Голова Аманды бессильно откинулась, затуманенные глаза смотрели в его лицо. А вот его глаза… Такого она еще не видела, разве что во сне или в мечтах: ярко-синие, светящиеся поразившей ее чувственностью. Он продолжал теребить набухшую горошинку, вызывая все новые приливы наслаждения, и не отступал, сводя ее с ума, пока она с пронзительным воплем не выгнулась, уносимая вдаль мощными волнами, охваченная буйным огнем страсти. Судороги экстаза сотрясали ее, постепенно затихая, и она пришла в себя, только когда Джек с глухим стоном выпрямился и сел отвернувшись. Лишенная тепла его рук и губ, его прикосновений, она едва не съежилась от странной боли. Все ее тело тянулось к нему. Жаждало его. Она отчего-то сознавала, что, подарив ей наслаждение, он не собирался добиться того же самого для себя, и поэтому нерешительно потянулась к нему и положила руку на обтянутое тонким сукном бедро, словно пыталась передать свое желание доставить ему то же самое удовольствие, которое испытала сама. Все еще не глядя на нее, он отнял ее руку и поднес к губам, повернув ладонью вверх.

– Аманда, – мрачно пробормотал он, – там, где речь идет о тебе, я сам себе не доверяю. И поэтому должен уйти… пока еще способен на это.

И Аманда с изумлением услышала доносившийся будто издалека свой собственный дремотный голос:

– Останься со мной. На всю ночь.

Джек искоса посмотрел на нее, и она заметила два красных пятна на его скулах. Не выпуская ее руки, он гладил большим пальцем ладонь, как бы втирая свой поцелуй, стараясь запечатлеть его навеки.

– Не могу.

– У тебя… у тебя… еще одно… свидание? – смущаясь, спросила она, замирая от ужаса при мысли о том, что он прямо из ее объятий пойдет к другой женщине.

Джек грустно усмехнулся:

– Господи, нет, конечно. Просто… – Он осекся и долго молчал, прежде чем добавить: – Ты скоро поймешь.

Нагнувшись над ней, он осыпал поцелуями ее подбородок, щеки, закрытые глаза.

– Я… я больше не пошлю за тобой, – неловко пробормотала она, когда Джек дотянулся до ближайшей полости и укутал ее.

– Знаю, – бросил он со смешком.

Аманда так и не открыла глаз, прислушиваясь к шороху одежды: очевидно, он принялся одеваться. Утопая в океане стыда и наслаждения, она пыталась осознать все события этого вечера.

– До свидания, Аманда, – пробормотал он и исчез, оставив ее одну, растрепанную и полуодетую. Волосы рассыпаны по подлокотнику канапе, теплая кашемировая шаль прикрывает плечи.

Бессвязные мысли одолевали ее… Хотелось посетить Джемму Брадшо и расспросить о таинственном незнакомце. Она жаждала побольше узнать о Джеке. Но что это даст? Он существует в совершенно другом мире: таинственном, порочном. Между ними не может быть дружеских отношений. И хотя на этот раз он не взял с нее денег, в следующий раз непременно возьмет. О, она не ожидала, что будет испытывать угрызения совести, смешанные с томительным желанием! Ее тело до сих пор пульсировало пережитым восторгом, кожу пощипывало, словно ее гладили шелковыми вуалями. Она представила палец, медленно проникающий в нее, губы, терзающие грудь, и с мучительным стоном натянула полость на лицо.

Завтра она вернется к прежней жизни, как и поклялась Джеку. Но остаток ночи проведет, грезя по мужчине, который уже становился все менее реальным и все более уходил в область фантазий.

Глава 3

После смерти отца решение переехать в Лондон далось легко. Аманда вполне могла остаться в Виндзоре, всего в двадцати пяти милях от города, где обосновались несколько известных издателей. Аманда всегда обитала в Виндзоре, да и обе сестры жили неподалеку, а маленький, но уютный Брайерз-Хаус был оставлен ей по завещанию.

Однако после поминальной службы Аманда поспешно продала родное гнездо, чем вызвала горячие протесты сестер, Хелен и Софии. Все они родились в этом доме, и она не имела права хладнокровно избавляться от столь жизненно важной части семейной истории.

Аманда воспринимала упреки с видимым смирением, но спокойно ответила, что имела полное право делать с домом все, что пожелает. Возможно, Хелен и София по-прежнему питают любовь к родным местам, но в последние пять лет это жилище стало для нее тюрьмой. Сестры вышли замуж, переехали к мужьям, Аманда же оставалась с родителями. На ее руках они и скончались. Мать долго и мучительно умирала от чахотки. Потом последовало долгое угасание отца от непонятной болезни с многочисленными странными симптомами, которая свела его в могилу.

Весь этот груз Аманде довелось вынести на своих плечах. Ее сестры были слишком поглощены своими семьями, чтобы предложить помощь, а большинство друзей и родственников постарались уверить себя, что Аманда вполне способна справиться в одиночку с любыми трудностями. В конце концов, она – старая дева, чем ей еще заняться?

Одна доброжелательная тетушка даже заявила, будто считает, что сам Господь уберег племянницу от замужества, с тем чтобы кто-то заботился о больных родителях. Правда, Аманда предпочла бы, чтобы Всемогущий распорядился как-то иначе. Очевидно, никому не приходило в голову, что Аманда тоже могла бы подыскать мужа, если бы не потратила молодость на уход за матерью и отцом.

Эти годы стали для нее как моральным, так и физическим испытанием. Мать, которая всегда была остра на язык и капризна, переносила тяготы своего состояния со спокойным достоинством, поражавшим Аманду. Почти перед самым концом мать казалась такой любящей и доброжелательной, что Аманда только диву давалась, и ее кончина стала для дочери тяжелым ударом.

В отличие от матери отец из человека добродушного превратился в самого невыносимого пациента, которого только можно было вообразить. У Аманды не было времени даже присесть: приходилось постоянно подносить ему то одно, то другое, готовить обеды, которые он неизменно критиковал, удовлетворять сотни немыслимых требований. По вечерам она валилась с ног от изнеможения.

Вместо того чтобы медленно отравлять себя сожалениями о том, что она упустила в жизни, и постоянным раздражением на окружающих, Аманда принялась по ночам и с раннего утра писать книги. Все началось с желания немного отвлечься, но с каждой страницей все больше росла надежда на то, что ее работа достойна быть изданной.

Ко времени кончины отца вышли уже две книги, и Аманда обрела свободу поступать так, как сочтет нужным. Последние годы она провела в самом большом и оживленном городе мира, среди населявших его полутора миллионов жителей. На две тысячи фунтов, полученные по завещанию, и деньги от продажи дома Аманда купила небольшой, но элегантный особняк в западной части Лондона, привезла с собой старых слуг семьи – лакея Чарлза и горничную Сьюки и наняла кухарку Вайолет.

Лондон оправдал все ее надежды, чтобы не сказать больше. И теперь, после полугодового пребывания в городе, Аманда просыпалась по утрам с чувством радостного изумления. Она любила даже грязь и шум, сбивающий с толку головокружительный ритм города, пронзительные крики уличных разносчиков, будившие жителей, стук колес экипажей по булыжникам мостовых к концу дня. На душе становилось легче от сознания того, что раз в неделю она может посетить званый ужин, литературный вечер или любительский спектакль.

Для нее было настоящим сюрпризом узнать об известности, которой она пользовалась в писательских кругах Лондона. Многие издатели, поэты, журналисты и писатели, как оказалось, знали ее имя и читали произведения. Там, в Виндзоре, знакомые считали ее занятие легкомысленным, и, уж разумеется, ни один из них не одобрял написанного ею, намекая на то, что для порядочных людей ее романы чересчур вульгарны.

Сама Аманда не могла понять, почему ее творчество так не соответствовало характеру. Казалось, стоило взять в руки перо, как оно обретало собственную волю и начинало само собой бегать по бумаге. Ее персонажи абсолютно не походили на тех людей, которых она знала в жизни: зачастую свирепые,

неукротимые, грубые, всегда страстные, они иногда гибли, но иногда и торжествовали, несмотря на полное отсутствие моральных принципов. И поскольку ее герои были вымышлены, Аманда поняла, что их чувства и эмоции могут таиться исключительно в ее душе. Но сама она избегала задумываться над этим, в противном случае такое открытие сильно встревожило бы ее.

«Дамское рукоделие» – так назвал Джек романы женщин-писательниц. Она прочла много таких историй о людях привилегированных, из высшего общества, их причудах, экстравагантном образе жизни, одежде и изысканных драгоценностях. Но Аманда так мало знала о представителях высшего класса, что не могла бы сочинить подобный роман даже под угрозой расстрела. Она писала о провинциалах, рабочих и священниках, офицерах и сельских сквайрах. К счастью, ее истории, казалось, находили отклик в душах читателей, и тиражи мигом продавались.

Через неделю после своего дня рождения Аманда приняла приглашение на званый ужин в доме мистера Таддеуса Толбота, адвоката, занимавшегося переговорами между авторами и издателями. Многие деловые вопросы решались при посредстве мистера Толбота. Аманда считала его самым веселым и жизнерадостным сибаритом из всех своих знакомых. Он швырял деньги не считая, пил, курил, играл и гонялся за юбками, словом, жил в полное свое удовольствие. На его званых ужинах было всегда полно народу, поскольку еда была обильной и вкусной, вино лилось рекой, а атмосфера была самая теплая.

– Очень рада, что в такую чудесную ночь вы не остались дома, мисс Аманда, – заметила горничная Сьюки, когда Аманда в последний раз встала перед большим зеркалом, проверяя, все ли в порядке. Уже немолодая, но живая и энергичная женщина, смахивающая на эльфа миниатюрной фигуркой и худобой, она много лет служила в семье Брайерз. – Просто чудо, что вы не слегли с мигренью после всего этого сидения за столом! Подумать только, целую неделю пера из рук не выпускали!

– Я должна была закончить роман, – с легкой улыбкой пояснила Аманда, – и поэтому не смела нигде показаться, на случай если до мистера Шеффилда дойдут слухи о том, как я шатаюсь по городу, вместо того чтобы заниматься делом.

Сьюки понимающе кивнула при упоминании об издателе Аманды, вечно угрюмом зануде, который постоянно беспокоился, что его подопечные писатели

завертятся в вихре светских удовольствий и забудут о работе. Но по правде говоря, опасения его были небезосновательны: город манил разнообразием развлечений, и как же легко было забыть свои обязательства!

Глядя в высокое заиндевевшее окно у двери, Аманда вздрогнула и с несчастным видом обернулась к своей теплой гостиной. Ей вдруг ужасно захотелось переодеться в удобное старое платье и провести вечер у камина.

– Похоже, на улице ужасный холод, – пробормотала она.

Сьюки, не переставая щебетать, поспешила принести вечерний плащ госпожи из черного бархата.

– Ах, какой там холод, мисс Аманда! – отмахнулась она. – Еще будет время коротать целые дни перед камином, когда слишком состаритесь и одряхлеете, чтобы вынести зимнюю стужу. А пока есть возможность, нужно как следует повеселиться с друзьями. Подумаешь, слегка прохладно… Я положу угли в грелку и подам вам горячего молока с бренди, когда вернетесь.

– Хорошо, Сьюки, – послушно ответила Аманда, улыбаясь горничной.

– Да, мисс Аманда, – осмелилась напомнить горничная, – вам лучше придержать язычок в присутствии джентльменов. Постарайтесь побольше льстить им, улыбаться и делать вид, будто соглашаетесь с тем вздором, который они несут насчет политики и тому подобного…

– Сьюки, – сухо перебила Аманда, – ты все еще питаешь надежды на мое замужество, не так ли?

– Что ж, все может быть, – уклончиво ответила горничная.

– Я иду на вечер исключительно ради того, чтобы немного побыть в кругу друзей, – сообщила Аманда, – и, уж разумеется, не охотиться за мужем.

– Да, но уж очень вы милы сегодня, – объявила Сьюки, одобрительно оглядывая черное вечернее платье Аманды из мерцающего жатого шелка, с большим декольте, идеально облегающего ее пышные формы. Сверкающие гагатовые

бусины украшали лиф и длинные рукава. К платью полагались перчатки и туфли из мягкой черной замши. Ансамбль получился на редкость элегантным, невероятно шел Аманде и выгодно подчеркивал грудь. Хотя Аманда никогда не была особенно привержена моде, все же недавно посоветовалась с известной лондонской модисткой и заказала несколько новых туалетов.

С помощью Сьюки она завернулась в подбитый горностаем плащ, продела руки в отделанные шелком проймы и застегнула золотую застежку на шее. Сьюки осторожно надела ей на голову парижскую шляпу из черного бархата с розовой шелковой подкладкой. Именно горничная уговорила Аманду уложить волосы иначе, чем в обычные дни, так, чтобы из неплотно скрученного узла выбивалось несколько длинных локонов.

– Клянусь, вы еще сумеете найти мужа! – воскликнула Сьюки. – И может, даже сегодня!

– Не нужен мне муж, – резко бросила Аманда. – Предпочитаю независимость!

– Независимость! – фыркнула Сьюки, воздев глаза к небу. – Уж поверьте, мужчина в вашей постели понравится вам куда больше!

– Сьюки, – одернула горничную Аманда. Но та только рассмеялась, уверенная в своем праве старой и доверенной служанки говорить в глаза госпоже все, что считает нужным.

– Клянусь, вам достанется мужчина попригляднее, чем вашим сестрам, благослови их обеих Господь, – предсказала Сьюки. – Как я говорю, лучшее всегда приходит к тому, кто умеет ждать.

– И кто бы посмел возразить, – сухо прокомментировала Аманда, съежившись от внезапного порыва ветра, когда лакей Чарлз открыл ей дверь.

– Экипаж готов, мисс Аманда, – радостно сообщил он, поправляя висевшую на руке полость. Аманда в сопровождении лакея проследовала к старой, но крепкой и ухоженной фамильной карете. Чарлз подсадил ее и укрыл ноги полостью.

Откинувшись на потертую спинку сиденья, Аманда сжалась под шерстяной, отороченной шелком полостью и улыбнулась при мысли о званом ужине. Жизнь прекрасна! У нее есть друзья, уютный дом и занятие по душе, которое к тому же приносит доход. Однако несмотря на все дары судьбы, ее раздражали постоянные уговоры Сьюки найти себе мужа.

В жизни Аманды нет места для мужчин! Никто не ограничит ее свободу и самостоятельность! Никто не будет указывать ей, что делать! Сама мысль о муже, чей род деятельности будет полностью противоречить ее собственному, была невыносима. В любом споре последнее слово будет за ним! Он может отобрать ее гонорар, если ему взбредет в голову такая мысль! И не только гонорар, но и детей, если они вздумают разъехаться. Нет, Аманда никогда не сможет добровольно дать кому-то такую власть над собой. И дело не в том, что она питает неприязнь к противоположному полу. Наоборот, считает мужчин очень умными: недаром они неизменно ухитряются оказаться в самом выгодном положении.

И все же… как чудесно было бы посещать лекции и вечера с любимым! Ведь, в сущности, ей не с кем поговорить, потолковать, обсудить и поделиться… посидеть за обеденным столом. Не к кому прижаться в постели, чтобы прогнать зимние холод и стужу. Да, независимость – вещь прекрасная, но не всегда дарит душевный мир и покой. Все имеет свою цену, вот и она платит одиночеством за свободу.

Воспоминания о том, что произошло всего неделю назад, по-прежнему неотступно сверлили мозг, несмотря на все усилия выбросить их из головы.

– Джек, – прошептала она, невольно прижимая руку к груди, где угнездилась томительная боль. Его образ упрямо стоял перед глазами: неземная синева глаз, бархатистые переливы голоса. Для многих женщин романтический вечер считался вещью обыденной, но для нее стал самым поразительным событием в жизни.

Аманда очнулась, только когда экипаж остановился перед домом мистера Толбота, элегантным зданием из красного кирпича с белыми колоннами. Трехэтажный, ярко освещенный особняк был расположен посреди небольшого прелестного скверика и звенел смехом и веселыми голосами. Как и ожидалось от модного адвоката, дом был прекрасно обставлен. Очаровательный овальный холл с гипсовыми статуями на обоих концах и большая приемная были

выкрашены в спокойные оттенки светло-зеленого, а изысканная лепнина потолка отражалась в сверкающем паркете темного дуба. Приятные запахи наполняли воздух, обещая вкусный ужин, а звон бокалов служил мелодичным аккомпанементом к мелодии струнного квартета.

Центральные комнаты были заполнены гостями, и Аманда направо и налево кивала улыбающимся знакомым. Она часто шутила, что к ней относятся с такой же симпатией, как к любимой бабушке, и если приятельницы поддразнивали ее, приписывая то одного джентльмена, то другого, на деле никому не приходило в голову, что она способна воспылать романтическим интересом к какому-то мужчине. Слишком уж устоявшейся была ее репутация старой девы.

– Моя дорогая мисс Брайерз! – раздался звучный мужской голос. Обернувшись, она оказалась лицом к лицу с приветливо улыбающимся, румяным и дородным мистером Толботом. – Наконец-то вечер можно считать удавшимся… не хватало только вас, чтобы общество приобрело надлежащий блеск!

Хотя Толбот был лет на десять старше Аманды, в нем проглядывало что-то мальчишески-жизнерадостное. Даже грива длинных белых волос его не старила. На мясистых губах играла лукавая улыбка.

– До чего же вы сегодня привлекательны, – продолжал он, сжимая ее руку пухлыми ладонями. – Все остальные дамы меркнут в сравнении с вами.

– Ах, мистер Толбот, всем известно, какой вы бессовестный льстец, – шутливо упрекнула Аманда, – а я слишком разумна, чтобы пасть жертвой ваших комплиментов. Вам следовало бы направить стрелы ваших похвал в какую-нибудь неопытную девушку, которая не усомнится в их правдивости.

– О нет, сегодня я избрал именно вас мишенью, – запротестовал он. Аманда театрально закатила глаза, но все же взяла протянутую руку адвоката и проследовала к массивному буфету красного дерева, по обоим бокам которого стояли большие серебряные вазы, одна с дымящимся ромовым пуншем и вторая – с холодной водой. Толбот громогласно приказал слуге наполнить бокал пуншем для мисс Брайерз.

– А теперь, мистер Толбот, я настаиваю, чтобы вы уделили внимание другим гостям, – объявила Аманда, с жадностью вдыхая пряный аромат пунша и грея

руки о бокал: несмотря на перчатки, ее пальцы успели замерзнуть. – Я уже вижу кое-кого, с кем хотелось бы поговорить, а вы меня отвлекаете.

Толбот, ничуть не обидевшись, весело рассмеялся и с низким поклоном удалился. Потихоньку попивая горячий пунш, Аманда рассматривала гостей. Авторы, издатели, иллюстраторы, владельцы типографий, адвокаты и даже пара критиков – все встречались, беседовали, расходились и снова собирались в постоянно меняющиеся группы. Беседа сопровождалась громкими взрывами хохота. До Аманды донесся мелодичный серебристый голос:

– Аманда, дорогая!

Обернувшись, она кивнула привлекательной блондинке, миссис Франсин Ньюлин. Недавно овдовевшая Франсин была известным автором полудюжины романов-сенсаций, драматичных историй, наполненных интригами, убийствами, супружескими изменами и даже двоеженством. Несмотря на то что Аманда втайне считала произведения Франсин несколько вычурными и перегруженными деталями, она с удовольствием их читала. Стройная, наделенная поистине кошачьей грацией, заядлая сплетница, Франсин старалась заводить дружбу с теми писателями, которые оказывались достаточно популярными, чтобы привлечь ее внимание. Аманда неизменно наслаждалась разговорами с женщиной, казалось, знавшей все и обо всех, но при этом была достаточно осторожна, чтобы не выказывать мнения об их общих знакомых, опасаясь, что все будет передано в искаженном и преувеличенном виде.

– Дорогая Аманда, – промурлыкала Франсин, изящно держа тонкими пальчиками тяжелый бокал, – как мило видеть вас здесь! По-моему, вы единственная здравомыслящая особа из всех, кто сегодня вошел в эту дверь.

– Не знаю, насколько уместен здравый смысл на таких сборищах, как это, – улыбнулась Аманда. – Здесь, мне кажется, куда более подходят очарование и красота.

Франсин, в свою очередь, лукаво усмехнулась.

– Какое счастье, что мы с вами владеем всеми тремя качествами.

– О да, не так ли, – сухо обронила Аманда. – Скажите, Франсин, как продвигается ваш последний роман?

Блондинка с шутливым укором покачала головой.

– Если хотите знать, он вообще не продвигается.

Аманда сочувственно улыбнулась.

– Уверена, что вы сумеете выйти из тупика и продолжите работу.

– О, я терпеть не могу писать без вдохновения и поэтому оставила все попытки заняться делом, пока не найду что-то… или кого-то, чтобы оживить мои творческие способности.

При этом вид у нее сделался такой хищный, что Аманда невольно рассмеялась. Страсть вдовы к любовным романам была хорошо известна среди ее собратьев по профессии.

– Вы уже остановили выбор на ком-то определенном?

– Еще нет… хотя несколько кандидатов имеется.

Вдова деликатно пригубила пунш.

– Я, например, не прочь подружиться с неотразимым мистером Девлином.

Сама Аманда не была с ним знакома, но неоднократно слышала это имя. Джон Т. Девлин был весьма известен в лондонских литературных кругах как человек с таинственным прошлым, который сумел всего за пять лет превратить жалкую типографию в самое большое издательство города. Очевидно, его взлет к вершинам могущества не был обременен ни соображениями морали, ни правилами честной игры.

Беззастенчиво пользуясь лестью, обманом и подкупом, он переманил лучших авторов у других издателей и уговорил писать скандальные романы-сенсации, а потом помещал объявления о выходе этих романов во всех популярных

периодических изданиях и платил людям за их громкие восхваления в общественных местах. Когда же критики жаловались на то, что выпускаемые им книги разлагают впечатлительных читателей, Девлин послушно публиковал заявления, предупреждающие потенциальных покупателей о том, что именно этот роман изобилует особенно непристойными подробностями, сценами насилия и тому подобное, после чего цифры продаж взлетали до небес.

Аманда видела белокаменное пятиэтажное здание издательства Джона Т. Девлина, расположенное на оживленном перекрестке Холборна и Шу-лейн, но никогда не переступала его порога. Ей говорили, что за вращающимися стеклянными дверями стоят полки с сотнями тысяч книг, от пола до потолка, представляя собой нечто вроде платной библиотеки для особенно заядлых читателей. Каждый из двадцати тысяч абонентов оплачивал годовой абонемент за привилегию и право пользоваться библиотекой. В верхних галереях размещались книги на продажу. Имелись также переплетная мастерская и типография и, разумеется, личный кабинет мистера Девлина.

Здесь постоянно сновало с десяток фургонов, доставлявших книги и периодические издания покупателям и абонентам. Огромные фрегаты ежедневно грузились у причалов и отправлялись к далеким берегам чужих стран. Девлин, вне всякого сомнения, нажил огромное состояние на своем вульгарном предприятии, но Аманда отнюдь им не восхищалась, поскольку слышала о том, как он вытеснил из бизнеса множество издателей поменьше и заодно буквально раздавил несколько более скромных платных библиотек, посмевших с ним конкурировать. Ей не нравилась та власть, которую он приобрел в литературной общине, не говоря уже обо всех его махинациях, поэтому Аманда всеми силами старалась избегать встречи с ним.

– Понятия не имела, что мистер Девлин собирается быть сегодня здесь, – нахмурилась Аманда. – Боже, поверить не могу, что мистер Толбот близко с ним знаком. Так они друзья? Судя по тому, что я слышала, мистер Девлин – отъявленный негодяй.

– Дорогая Аманда, поймите, Девлин из тех людей, с которыми всего безопаснее дружить, – пояснила Франсин. – И вам бы не помешало заслужить его расположение.

– Пока что я прекрасно без него обходилась. И вам, Франсин, я советовала бы держаться подальше от него. Связь с подобным человеком – это самое

опрометчивое решение, которое когда-либо…

Она резко осеклась, поймав краем глаза знакомое лицо в толпе. Сердце мгновенно покатилось куда-то. Аманда изумленно моргнула и побелела как полотно.

– Аманда, что с вами? – встревожилась Франсин.

– Мне показалось…

Изнемогая от страха и волнения, Аманда оглядывала пеструю толпу. За грохотом крови в висках она ничего не слышала. Но все же шагнула вперед, потом отступила, тщетно выискивая кого-то среди гостей.

– Где он? – прошептала она, тяжело и неровно дыша.

– Аманда, вам нехорошо?

– Нет, я…

Сознавая, что ее поведение кажется по меньшей мере странным, она попыталась взять себя в руки.

– По-моему… я увидела одну неприятную личность, с которой не хотелось бы встречаться.

Франсин с любопытством уставилась в толпу.

– Почему это вы вдруг вздумали кого-то избегать? Какой-нибудь воинственный критик? Или некий друг, с которым вы поссорились?

Губы блондинки искривила хитрая улыбка.

– А может, бывший любовник, роман с которым закончился печально?

Хотя ей явно не терпелось поддразнить Аманду, намек попал не в бровь, а в глаз. Франсин, не ведая того, оказалась настолько близка к истине, что щеки Аманды загорелись.

– Что за вздор! – резко бросила она, делая большой глоток пунша, и тут же обожгла язык, да так, что даже глаза заслезились от боли.

– О, ни за что не угадаете, кто сюда идет! – лениво заметила вдова. – Если вы имели в виду мистера Девлина, то уже слишком поздно.

Каким-то шестым чувством Аманда все угадала.

Потрясающе синие глаза поймали ее в силки жесткого взгляда. Тот же глубокий голос, который всего неделю назад шептал ей нежности, теперь был исполнен спокойной учтивости.

– Миссис Ньюлин, надеюсь, вы представите меня своей собеседнице.

Франсин ответила гортанным смехом.

– Не уверена, что дама желает этого, мистер Девлин. К сожалению, ваша репутация слишком хорошо известна.

Аманда, похоже, потеряла способность дышать. Как это ни невероятно, перед ней стоял ее таинственный гость, тот самый Джек, человек, который обнимал ее, целовал и ублажал в полутемном уединении ее гостиной. Он оказался выше, больше и смуглее, чем она помнила. Она мгновенно представила, как ее тело напрягается под его тяжестью, как ее руки сжимают твердые мышцы его плеч… сладкий темный жар его рта.

Аманда слегка покачнулась: ноги отказывались ее держать. Но нет, она не должна устраивать сцену, привлекать к себе внимание! И сделает все необходимое, чтобы скрыть их унизительную общую тайну. Хотя язык не слушался, она все же неуверенно выдавила:

– Можете представить мне этого джентльмена, Франсин.

Судя по лукавому блеску глаз Девлина, от него не ускользнула ироническая интонация, с которой Аманда произнесла слово «джентльмен».

От изящной хорошенькой блондинки не ускользнул подтекст происходящего.

– Пожалуй, не стоит, – задумчиво произнесла она, чем потрясла Аманду до глубины души. – И без того очевидно, что вы уже встречались. Надеюсь, кто-нибудь из вас не откажется просветить меня на этот счет?

– Ни за что, – объявил Девлин, смягчая отказ чарующей улыбкой.

Франсин перевела любопытный взгляд с Девлина на Аманду.

– Прекрасно. В таком случае предоставляю вам решить, знакомы вы или нет, – беспечно рассмеялась она. – Но учтите, Аманда, я все равно выведаю у вас, в чем тут дело.

Аманда почти не заметила ухода приятельницы. Смущение, ярость, сознание того, что ее предали… нет, удар оказался слишком силен. Каждый глоток воздуха, казалось, обжигал легкие. А Джон Т. Девлин… Джек терпеливо выжидал, глядя на нее, как тигр – на добычу.

Паника с новой силой охватила Аманду. Подумать только, он обладает властью уничтожить ее! Всего несколько слов и публичное подтверждение от миссис Брадшо, и ее репутация… карьера… возможность содержать себя… все будет погублено.

– Мистер Девлин, – с холодным достоинством изрекла она, – может, вам будет угодно объяснить, как и почему вы попали в мой дом на прошлой неделе и с какой целью обманули меня.

Несмотря на очевидный страх и неприязнь, Аманда Брайерз смотрела ему в глаза. Прямо. Вызывающе. Да, трусихой ее не назовешь!

Джека обуревали те же непонятные эмоции, как в самый первый момент их встречи, на пороге ее дома. Поразительная, роскошная женщина, с бархатистой

кожей, вьющимися рыжевато-каштановыми волосами и пышной фигурой… а он был из тех мужчин, которые ценят истинное качество и распознают его с одного взгляда. Да и лицо пусть не классически красиво, но достаточно привлекательно, а вот глаза… глаза – это нечто необыкновенное. Пронзительно-серые, светло-серые, цвета апрельского дождя… умные, выразительные…

Что-то в ней будоражило. Ему почему-то захотелось улыбнуться. Целовать эти плотно сжатые губы старой девы, пока они не станут мягкими и теплыми от разгоравшейся страсти. Чаровать и дразнить ее. Но больше всего он хотел узнать эту особу, создавшую роман, герои которого скрывали под благопристойными фасадами целую бурю неукротимых эмоций. Такую книгу могла бы написать светская, умудренная жизненным опытом женщина, а не сельская простушка, так и не удосужившаяся найти себе мужа.

Строчки, написанные ею, не давали покоя задолго до того, как он ее встретил. Теперь же, после того невероятного свидания в ее доме, он хотел от Аманды большего. Ему пришлись по душе брошенный ею вызов, сюрпризы, на которые она была большая мастерица, и то, что она успешно прокладывала себе дорогу в жизни. В этом они были сходны.

И все же она обладала врожденным аристократизмом, которого ему так не хватало и которым он искренне восхищался. Даже сейчас она казалась вполне естественной и ухитрялась вести себя как истинная леди: свойства, которые прежде казались ему абсолютно несовместимыми. Как только ей это удается? Совершенно непонятно.

– Аманда… – начал он, но негодующее шипение помешало ему продолжать.

– Мисс Брайерз, если угодно.

– Мисс Брайерз, – бесстрастно повторил он. – Не воспользуйся я возможностью, представившейся мне в тот вечер, поверьте, сожалел бы об этом до конца дней моих.

Тонкие брови угрожающе сошлись.

– И вы намереваетесь обличить меня?

– Я еще не решил, – протянул он, озорно сверкнув синими глазами. – Хотя…

– Хотя… – настороженно повторила она.

– Злые языки были бы в восторге, получив столь аппетитную пищу для сплетен, не так ли? Респектабельная мисс Брайерз нанимает мужчину для развлечений. Ни за что не желал бы вам подобного позора!

Его зубы блеснули в улыбке, на которую Аманда предпочла не отвечать.

– Думаю, нам стоит подробно обсудить, как поступить дальше. Хотелось бы знать, как вы намереваетесь вознаградить меня за обещание держать рот на замке?

– Шантажируете меня? – взорвалась Аманда, едва сдерживая ярость. – Ах вы, наглый, подлый, злобный пре…

– Советую вам понизить голос, – перебил он. – И заодно, мисс Брайерз, предлагаю из чистого опасения за вашу репутацию, разумеется, продолжить нашу беседу позднее. И в более подходящей обстановке.

– Ни за что, – отрезала она. – Поскольку ясно, что вы не джентльмен, никакой награды от меня не дождетесь!

Но последнее слово осталось за Джеком. Ленивая улыбка коснулась его губ, улыбка человека, точно знающего, как добиться желаемого, причем любыми, самыми отчаянными средствами.

– Вы встретитесь со мной, – уверенно пообещал он. – Выбора у вас все равно нет. У меня есть кое-что, принадлежащее вам, и я намереваюсь это использовать.

– Мерзавец! – презрительно бросила она. – Хотите сказать, что украли что-то из моего дома?

Его внезапный смех привлек к ним множество откровенно заинтересованных взглядов.

– У меня имеется ваш первый роман, – пояснил он.

– Что?!

– Ваш первый роман, – повторил Джек, искренне наслаждаясь ее нескрываемым бешенством. – Под названием «Ненастоящая леди». Я только что его приобрел. Неплохо написан, хотя требуется основательная редакторская правка, до того как он выйдет в свет.

– Но это немыслимо! – воскликнула Аманда, горя желанием высказать все, что она о нем думает. Однако пришлось быстренько прикусить язык: их разговор и без того привлекал всеобщее внимание. – Много лет назад я продала его мистеру Гроуверу Стидмену, всего за десять фунтов. Как только деньги перешли из рук в руки, он потерял интерес к рукописи и, насколько мне известно, запер ее в письменный стол.

– Да, но я недавно купил и роман, и все права на него. И уж поверьте, Стидмен содрал с меня приличную сумму. Ваши акции поднялись, с тех пор как последний роман разошелся огромным тиражом.

– Да он не посмел бы решиться на такое! – запальчиво выкрикнула она.

– Боюсь, что все же решился. – Джек шагнул вперед и заговорщическим шепотом добавил: – Собственно говоря, именно по этой причине я и решил вас навестить.

Он стоял так близко, что ощущал слабый лимонный запах, идущий от ее волос. И скорее почувствовал, чем заметил, как она напряжена. Вспоминает обжигающий жар их ласк? Сам он неимоверно страдал еще несколько часов после этого: чресла отчаянно ныли, руки чесались прикоснуться к ее мягкой шелковистой плоти. О, ему было нелегко покинуть ее в ту ночь. И все же он не смог взять ее невинность под чужой личиной.

Когда-нибудь он снова окажется в ее объятиях, но между ними не будет обмана. В следующий раз никакие земные и небесные силы не остановят его.

– Как получилось, что вы пришли в то же самое время, когда я ожидала… э-э… своего другого гостя? – нерешительно выдавила она.

– Похоже, наша общая приятельница миссис Брадшо, намеренно ввела меня в заблуждение.

– Откуда вы ее знаете?

Серебристые глаза Аманды подозрительно сузились.

– Вы один из ее клиентов?

– Нет, красотка, – пробормотал Джек. – В отличие от вас мне никогда не требовались услуги профессиональной жрицы любви.

Неотразимая улыбка коснулась его губ при виде ее заалевшего лица. О, до чего же приятно подвергать испытанию ее сдержанность, дразнить и подшучивать…

Вместо того чтобы продлить удовольствие, он мягко пояснил:

– Я знаком с миссис Брадшо, поскольку только что опубликовал ее первую книгу «Грехи мадам Б.».

– Должно быть, сплошная грязь, – фыркнула Аманда.

– Разумеется, – весело согласился он. – Угроза морали и приличиям. Не говоря уже о том, что распродается, как горячие пирожки.

– Представьте, я почему-то не удивлена, что вы гордитесь, а не стыдитесь этого обстоятельства, – чопорно процедила Аманда, и он удивленно поднял брови.

– Стоит ли стыдиться того, что мне повезло приобрести и издать произведение, которое очевидно нравится публике?

– Публика не всегда отличает хорошее от дурного.

Джек лениво улыбнулся.

– А ваши, книги, разумеется, полезны для мировоззрения читателей?

Аманда смущенно покраснела, но не сдавалась.

– Вы не можете ставить мои работы на одну доску с вульгарными мемуарами печально известной мадам!

– Разумеется, нет, – мгновенно сдался он. – Миссис Брадшо вряд ли можно назвать настоящей писательницей… читать ее мемуары все равно что слушать самые грязные сплетни слуг. А вы наделены талантом, которым я искренне восхищаюсь.

Выразительное лицо Аманды ясно отражало противоречивые эмоции. Как большинство людей творческих, постоянно нуждающихся в похвалах, она испытывала невольное удовольствие от комплимента. Однако не могла позволить себе поверить в его искренность и, бросив на Джека иронически-подозрительный взгляд, объявила:

– Ваша лесть не только совершенно лишняя, но и не производит на меня ни малейшего впечатления. Не тратьте зря усилий, лучше объясните, каким образом вы оказались в моем доме.

– В последней беседе с миссис Брадшо я упомянул о «Ненастоящей леди» и моем намерении познакомиться с вами. И тогда миссис Брадшо удивила меня, открыв тайну вашего знакомства. Она предложила, чтобы я зашел навестить вас в определенный час и день, а именно в четверг, в восемь вечера. По какой-то причине она была уверена, что меня ждет теплый прием. И как оказалось, – не выдержав, добавил Джек, – она была права.

Аманда обдала его яростным взглядом.

– Но почему ей взбрела в голову эта затея?

Джек пожал плечами, не собираясь признаваться, что этот же вопрос тревожил его всю неделю.

– Сомневаюсь, что тут есть какая-то определенная причина. Подобно большинству женщин, она, вероятно, принимает решения, не сообразуясь ни с какими известными мужчинам логическими построениями.

– Миссис Брадшо захотела поиздеваться надо мной, – буркнула Аманда. – А может, и над нами обоими.

Джек покачал головой.

– Не думаю.

– Тогда что же еще?

– Может, вам следовало бы спросить ее?

– Не сомневайтесь, спрошу, – мрачно пообещала она, чем вызвала очередной взрыв смеха.

– О, не стоит, ведь все обошлось, не так ли? Никто не пострадал… и должен указать, что вряд ли кто-то из мужчин вел бы себя на моем месте с такой же благопристойной сдержанностью…

– Благопристойной?! – прошипела она. – Да если бы вы обладали хоть капелькой честности и порядочности, представились бы сразу же, как только поняли мою ошибку!

– И испортил ваш день рождения? – издевательски-сокрушенно ахнул он, но тут же ухмыльнулся, заметив, как сжались маленькие кулачки. – Не сердитесь, – умасливал он. – Я тот же, каким был в ту ночь, Аманда…

– Мисс Брайерз, – немедленно поправила она.

– Хорошо, мисс Брайерз. Я тот же самый человек и тогда вполне сумел вам понравиться. Нам нет резона враждовать, поэтому заключим перемирие и станем друзьями.

– Вот именно, вы куда больше нравились мне как мужчина-проститутка, чем вороватый интриган-издатель. И я не могу дружить с человеком, пытающимся меня шантажировать. Более того, я никогда не позволю вам опубликовать «Ненастоящую леди». Скорее сожгу рукопись, чем увижу ее в ваших руках.

– Боюсь, тут вы ничего не сможете поделать. Тем не менее буду рад видеть вас завтра у себя. Обсудим планы издания книги.

– Если воображаете… – взвилась она, но тут же поджала губы, заметив приближавшегося мистера Толбота. Лицо адвоката светилось жадным любопытством. Он оглядел парочку с довольной улыбкой, от которой круглые щеки поднялись под самые глаза.

– Меня просили вмешаться, – усмехнулся он. – Никаких ссор между моими гостями. Позвольте напомнить, что вы вряд ли настолько хорошо знакомы, чтобы взирать друг на друга с такой неприязнью.

Аманда, казалось, еще больше взбеленилась, видя намерение хозяина унять разгорающийся спор.

– Я обнаружила, мистер Толбот, – сообщила она, не сводя глаз с Джека, – что даже пятиминутное знакомство с мистером Девлином истощит терпение святого.

– А вы считаете себя святой, мисс Брайерз? – мягко осведомился Джек, позволив себе легкую улыбку.

Аманда зарумянилась, скрипнув зубами, но когда поток яростных обвинений уже был готов сорваться с языка, мистер Толбот поспешил опередить ее.

– Ах, мисс Брайерз! – воскликнул он с преувеличенной сердечностью, – вижу, ваши добрые друзья Истмены только что прибыли! Умоляю взять на себя роль моей хозяйки и помочь приветствовать их!

Бросив на Джека предостерегающий взгляд, он попытался увести Аманду. Однако прежде чем они отошли, Джек нагнулся и тихо прошептал:

– Завтра в десять я пришлю за вами экипаж.

– Я не поеду, – пробормотала Аманда, ощущая, как напряглось тело. Только легкий трепет груди, обтянутой черным шелком, выдавал ее волнение. Это зрелище сразило Джека наповал. Жар наполнил все его существо, а некоторые,

самые потаенные части тела явно начали пробуждаться. Неведомые доселе чувства обуревали его… что-то вроде собственнического инстинкта… или возбуждения… или даже нежности. Он жаждал показать ей ту крохотную капельку добродетели, которая еще сохранилась в самом дальнем уголке души, чтобы завлечь… соблазнить… обрести…

– Поедете, – заверил он, почему-то точно зная, что она способна противиться ему не больше, чем он ей.

Гости переместились в столовую, большую, обшитую панелями красного дерева комнату, где два длинных стола были накрыты на четырнадцать кувертов каждый. Четыре лакея в ливреях и белых перчатках деловито сновали вокруг столов, рассаживая гостей, наливая вино и вынося громадные посеребренные блюда с устрицами. Затем последовали херес и тарелки дымящегося черепахового супа, а также рыба тюрбо под голландским соусом из масла, желтков и лимонного сока.

Джек обнаружил, что его соседка по столу – миссис Франсин Ньюлин. Его не покидало ощущение, что она имеет на него какие-то планы, но, хотя он находил ее привлекательной, мысль о романе с этой женщиной ему претила. Вряд ли она стоит каких-то усилий подобного рода с его стороны еще и потому, что в этом случае он и его личная жизнь окажутся желанной поживой для всех городских сплетниц. Все же она то и дело пыталась положить ему руку на колено, и хотя он неизменно отстранялся, Франсин не так легко было отпугнуть.

– Миссис Ньюлин, – пробормотал он наконец, – ваше внимание мне льстит, но если вы не уберете руку…

Франсин немедленно выпрямилась, воззрилась на него с улыбкой кошки, только сейчас укравшей сливки, и заморгала с притворной наивностью.

– Прошу прощения, – промурлыкала она. – Я просто потеряла равновесие и пыталась обо что-нибудь опереться.

Она подняла маленькую рюмку с хересом и, осторожно пригубив, слизнула кончиком языка приставшую к стеклу каплю.

– Такая мощная нога, – тихо заметила она. – Должно быть, вы много занимаетесь гимнастикой.

Джек подавил вздох и глянул в сторону другого стола, где сидела Аманда Брайерз, занятая оживленной беседой с соседом слева. Кажется, речь шла о том, являются ли настоящей литературой романы с продолжением, издаваемые ежемесячными выпусками. Эта тема нынче была весьма популярна, тем более что несколько издателей, в том числе и Джек, публиковали такие романы, но пока без особого успеха.

Джеку нравилось следить за сменой выражений на лице Аманды в сиянии свечей, попеременно задумчивым, веселым, живым и хмурым. Серые глаза сияли ярче начищенного серебра.

В отличие от остальных женщин, едва ковырявших еду, как полагалось дамам по этикету, Аманда ела с явным аппетитом. Очевидно, одной из привилегий старой девы была возможность есть на людях сколько захочется. Она казалась такой искренней и прямой: живительный контраст с изысканными, утонченными дамами, которых он знал. Он хотел остаться наедине с ней. И завидовал мужчине, которому выпало счастье сидеть рядом и который, похоже, проводил время куда лучше, чем все присутствующие, вместе взятые.

Но Франсин Ньюлин снова настойчиво прижала к его ноге свою.

– Дорогой мистер Девлин, – вкрадчиво начала она, – вижу, вы не можете отвести глаз от мисс Брайерз. Не понимаю, как может такой человек, как вы, испытывать к ней хоть малейший интерес.

– Почему же?

С губ Франсин слетел легкий смех.

– Потому что вы молодой мужчина с горячей кровью, в самом расцвете сил, а она… но это же очевидно, не так ли? О, мужчины любят мисс Брайерз, но только как сестру или тетушку. Она не из тех, кто способен пробудить страсть в мужчине.

– Что ж, вам виднее, – коротко ответил он. Эта женщина явно считала, что ее прелести затмевают скромную привлекательность Аманды. Ей и в голову не приходило, что мужчина способен предпочесть ей старую деву. Но Джек уже имел дело с женщинами, подобными Франсин, и знал, сколько пустоты кроется за разукрашенным фасадом.

Лакей внес блюдо фазанов в сливочном соусе, и Джек кивком велел положить себе немного, думая о долгой ночи впереди. Целая вечность, казалось, отделяет завтрашнее утро и визит Аманды от этой минуты.

Глава 4

– Завтра в десять я пришлю за вами экипаж.

– Я не поеду.

– Поедете.

Этот диалог продолжал тревожить Аманду всю ночь напролет, отзываясь эхом в ее снах и разбудив куда раньше обычного. О, как бы ей хотелось поставить на место мистера Джона Т. Девлина, отказавшись сесть в его карету! Но следует прежде разобраться с его незаконным приобретением ее романа. Она не желала, чтобы «Ненастоящую леди» издавал он или кто-либо другой.

Прошло немало лет с тех пор, как она написала или перечитывала книгу, и хотя в то время вложила в нее всю душу, наверняка в построении сюжета и характерах персонажей можно найти немало недостатков и погрешностей. Выйди «Ненастоящая леди» сейчас, критики, вне всякого сомнения, уничтожат ее, если предварительно не внести соответствующие исправления. А у Аманды не было ни времени, ни желания приниматься за столь кропотливый труд над книгой, за которую было получено всего десять фунтов. Тем не менее необходимо забрать рукопись у Девлина.

Нельзя забывать также и возможности шантажа. Если он распространит по городу слухи, что Аманда из тех женщин, кто нанимает проституток мужского

пола, ее репутация и карьера погибли. Нужно каким-то способом взять с Девлина слово, что он никому не проговорится о той ужасной ночи.

И как ни противно было признавать, ее обуревало любопытство. Как бы она ни ела себя за это поедом, все равно ужасно хотелось увидеть издательство Девлина, его книги, переплетную мастерскую, контору и все остальное, что помещалось в массивном здании на углу Холборна и Шу-лейн.

Аманда с помощью Сьюки уложила короной туго заплетенные косы и надела самое строгое платье из всех, что у нее были, серый бархатный туалет с высоким воротом, облегающим лифом и величественно шуршащими юбками. Единственным украшением был узкий пояс из переплетенных шелковых шнуров с серебряной пряжкой. Правда, по вороту вилась кружевная оборка.

– Вы как две капли воды похожи на королеву Елизавету в тот день, когда она велела отсечь голову графу Эссексу, – заметила Сьюки.

Аманда, несмотря на волнение, неожиданно рассмеялась.

– Я рада бы отсечь голову одному джентльмену, – призналась она, – но удовольствуюсь словесным нагоняем. Что поделаешь – я не королева!

– Значит, собираетесь к своему издателю? – поинтересовалась Сьюки, чье узкое лицо в этот момент напоминало лик любознательной лесной ведьмы.

Аманда покачала головой.

– Он не мой издатель и никогда им не будет. Именно это я и намереваюсь ему разъяснить.

– Вот как, – заинтересованно протянула горничная. – Джентльмен, которого вы встретили вчера на ужине? Скажите, мисс Аманда… он красив?

– Не заметила, – отрезала Аманда. Сьюки, похоже, вовремя сдержала восторженный смешок и поспешила принести черный шерстяной плащ Аманды. В этот момент в прихожую вошел лакей Чарлз.

– Мисс Аманда, экипаж прибыл.

Морщинистое лицо лакея покраснело от резкого ноябрьского ветра. Свежий аромат снега мешался с приторным запахом пудры, которой лакей посыпал волосы. Он взял с кресла шерстяную полость, повесил на руку и приготовился проводить Аманду до кареты.

– Осторожнее, мисс Аманда, – предупредил он, – ступеньки скользкие, а на улице сыро.

– Спасибо, Чарлз, – с чувством поблагодарила Аманда, высоко ценившая верность в слугах. Хотя для лакея Чарлз был невысок – в большинстве семей предпочитали нанимать мужчин не менее шести футов роста, – этот недостаток восполнялся трудолюбием. Он всего себя отдавал семейству Брайерзов, а теперь Аманде, отличаясь верностью и беззаветной преданностью на протяжении вот уже двух десятков лет.

Слабый утренний свет едва освещал узкие, примыкающие стена к стене дома на Брэдли-сквер. Между двумя рядами зданий, стоящих друг к другу фасадами, размещался небольшой сад, огражденный железной решеткой. Иней посеребрил дремлющие деревья и кусты, обрамлявшие посыпанные гравием дорожки. Хотя было уже десять утра, почти все ставни верхних этажей были закрыты: очевидно, обитатели еще не проснулись после развлечений прошлого вечера.

Если не считать старьевщика, бредущего по узкому тротуару, и длинноногого констебля, картинно стоящего на холодном ветру с дубинкой под мышкой, улица была тиха и пуста. Несмотря на нелюбовь Аманды к зимнему холоду, она радовалась, что вонь гниющих отбросов была гораздо менее заметна, чем в теплые летние месяцы.

Аманда стала было спускаться с крыльца, но на полпути замерла и уставилась на экипаж, присланный Девлином.

– Мисс Аманда? – недоуменно пробормотал лакей за ее спиной.

Аманда ожидала увидеть экипаж, столь же хорошо послуживший на своем веку и старомодный, как ее собственный. Однако это оказалось элегантное творение каретника, со стеклянными окошками в дубовых переплетах, лакированное, с

бронзовыми накладками и ступеньками, автоматически поднимавшимися и опускавшимися вместе с дверцей. Карета буквально сверкала. На окнах висели шелковые занавески, а сиденья были обиты кремовой кожей.

Четверка идеально подобранных гнедых нетерпеливо перебирала копытами, выдыхая белые клубы пара. Такими каретами, как правило, владели богатые аристократы. Откуда у издателя, да еще наполовину ирландца, нечто подобное? Должно быть, он куда богаче, чем вещает молва.

Набравшись храбрости и приняв равнодушный вид, Аманда подошла к карете. С резных запяток спрыгнул лакей и поспешно открыл дверцу. Чарлз помог Аманде сесть. Рессоры оказались настолько тугими, что карета едва покачнулась под ее весом. На сиденье лежала меховая полость. Аманда приятно удивилась при виде ножной грелки, набитой тлеющими углями. Томительная дрожь пронизала ее, когда тепло распространилось до самых коленей. Похоже, Девлин запомнил ее нелюбовь к холоду.

Аманда словно во сне откинулась на мягкую кожу спинки и посмотрела в затянутое морозной дымкой окно на расплывчатые очертания своего дома. Дверца бесшумно закрылась, и лошади тронули.

– Ну, мистер Девлин, – сказала она вслух, – вы сильно ошибаетесь, если воображаете, что какая-то ножная грелка и меховая полость заставят меня смягчиться по отношению к вам.

Карета остановилась на углу Шу-лейн и Холборна, где высилось белое пятиэтажное здание. Внутри оно напоминало улей, буквально кишевший посетителями. Стеклянные двери непрерывно вращались, пропуская потоки людей туда и обратно. Хотя Аманда знала, насколько популярно издательство Девлина, все же такого не ожидала. Да… больше всего это похоже на настоящую империю. И Аманда не сомневалась, что острый ум владельца постоянно ищет способы расширить владения.

Лакей помог ей выйти и поспешил проводить к входу с таким почтительным видом, словно его хозяина соизволила посетить королевская особа. Как только ее нога коснулась порога, к ней немедленно подошел светловолосый джентльмен лет двадцати восьми – тридцати, среднего роста, хотя гордая осанка и худощавая фигура делали его выше ростом. Лицо освещала теплая

приветливая улыбка, а за очками в стальной оправе сверкали глаза цвета морской волны.

– Мисс Брайерз, – тихо приветствовал он с поклоном, – для меня большая честь познакомиться с вами. Я мистер Оскар Фретуэлл. А это… – он с нескрываемой гордостью обвел широким жестом оживленное помещение, – это предприятие Девлина. Книжный магазин, платная библиотека, отделение канцелярских товаров, переплетная мастерская. Типография и издательство – все под одной крышей.

Аманда присела и позволила ему увести себя в сравнительно спокойный уголок, рядом с прилавком красного дерева, стонущим под тяжестью книг.

– Мистер Фретуэлл, в какой должности вы служите у мистера Девлина?

– Я его главный управляющий. Иногда исполняю обязанности читателя и редактора. И приношу ему романы, которые считаю достойными внимания.

Он снова улыбнулся.

– И я счастлив служить любому писателю мистера Девлина, если это необходимо.

– Я не отношусь к числу его писателей, – твердо заявила Аманда.

– Разумеется, – кивнул Фретуэлл, явно стараясь не обидеть ее. – Я вовсе не имел в виду вас. Но могу я хотя бы выразить восхищение вашей работой? Поверьте, и я, и наши абоненты получили огромное удовольствие. Ваши книги не стоят на полках, а процент продаж весьма высок. Заказ на ваш последний роман «Тени прошлого» составил пятьсот экземпляров.

– Пятьсот?!

Аманда была так поражена, что не сумела скрыть удивления. Книги считались предметами роскоши и были не по карману многим людям, а следовательно, продажа тиража в три тысячи экземпляров считалась исключительной удачей. До этого момента она не подозревала, что в большой степени обязана своими

успехами поддержке Девлина.

– О да, – горячо начал Фретуэлл, но тут же насторожился, заметив какой-то непорядок у одного из прилавков. Оказалось, что библиотекарь расстроился, увидев, в каком состоянии вернули книгу. Абонент, дама средних лет, с толстым слоем румян и пудры на лице, распространяющая невыносимо сильный запах духов, энергично протестовала, отвергая обвинения в намеренной порче книги.

– А, это миссис Сэндби, – вздохнул Фретуэлл. – Одна из наших частых посетительниц. К несчастью, она обожает читать библиотечные книги в парикмахерской, так что страницы обычно оказываются склеенными помадой, а переплет усыпанным пудрой.

Аманда вдруг рассмеялась, глядя на старомодную высокую прическу дамы, напоминавшую напудренное воронье гнездо.

– Похоже, тут требуется ваше вмешательство, мистер Фретуэлл. Я с удовольствием подожду, пока вы уладите спор.

– Не хотелось бы оставлять вас одну… – нахмурился он.

– Я с места не сойду, – заверила Аманда. – Ничего страшного, если подожду немного.

Пока Оскар Фретуэлл отсутствовал, Аманда хорошенько огляделась. Повсюду были книги: стояли аккуратными рядами на полках, высившихся до самого потолка. Потолок был высотой в два этажа. С верхнего балкона можно было попасть на галерею. Ослепительная радуга красных, золотых, зеленых и коричневых переплетов представляла собой настоящий праздник цвета и радость для глаз, а искусительные запахи пергамента, веленевой бумаги, крахмала и острый аромат кожи были для Аманды сладостной пыткой. А если еще учесть, что ко всему этому примешивалось слабое благоухание чайных листьев… Нет, для всякого заядлого читателя это место было сущим раем на земле.

Абоненты и покупатели стояли в длинных очередях у прилавков, нагруженных томами и каталогами. Шпули шпагата и катушки оберточной бумаги непрерывно вертелись на специальных стержнях, пока клерки отпускали заказы. Аманда с

восхищением наблюдала за их работой. Молодые люди быстро заворачивали небольшие стопки книг в бумагу и перевязывали шпагатом. Заказы побольше укладывались в душистые старые ящики из-под чая… вот откуда так пахнет… а рассыльные относили их в экипажи и повозки.

Появившийся Оскар Фретуэлл с комическим сожалением развел руками.

– Кажется, все улажено, – сообщил он. – Я попросил библиотекаря принять книгу в этом состоянии: мы сделаем все возможное, чтобы ее отремонтировать. Однако я попросил миссис Сэндби получше обращаться с книгами.

– Следовало бы предложить ей больше не пудрить волосы, – шепнула Аманда, и они дружно рассмеялись.

Фретуэлл согнул руку.

– Могу я проводить вас в кабинет мистера Девлина, мисс Брайерз?

При мысли о предстоящей встрече Аманда неожиданно ощутила мимолетный укол удовольствия, смешанного с тревогой. Перспектива оказаться в его обществе вновь пробудила в ней любопытство и волнение.

Гордо распрямив плечи, она взяла Фретуэлла под руку.

– Несомненно. Чем скорее я потолкую с мистером Девлином, тем лучше.

Фретуэлл недоуменно уставился на нее.

– Судя по тону, вы недолюбливаете мистера Девлина.

– Совершенно верно. Я нахожу его спесивым интриганом.

– Видите ли, – осторожно заметил Фретуэлл, – мистер Девлин может быть несколько агрессивным, когда преследует определенную цель. Но могу заверить вас, что хозяина приличнее в Лондоне не сыскать. Он добр к друзьям и щедр со своими работниками. Недавно помог одному писателю приобрести дом и всегда готов достать театральные билеты или найти хорошего врача, когда кто-то из

его приятелей заболевает, или помочь кому-то справиться с трудностями…

Пока Фретуэлл перечислял достоинства своего хозяина, Аманда мысленно добавила к ним еще одно: умение дергать за нужные веревочки. Разумеется, этот человек делает все возможное, чтобы его друзья и работники чувствовали себя в долгу перед ним, в этом случае он может беззастенчиво использовать их признательность.

– Почему и как мистер Девлин стал издателем? – осведомилась она. – Он не похож на других, знакомых мне издателей. То есть я хочу сказать, книжным червем его не назовешь.

Мистер Фретуэлл как-то странно замялся. Судя по выражению его лица, прошлое Девлина было столь же таинственно, сколь интересно.

– Наверное, вам следует спросить об этом мистера Девлина, – выговорил он наконец. – Но могу сказать одно: он очень любит читать и питает глубочайшее уважение к печатному слову. Кроме того, он обладает невероятной способностью выделить сильные стороны писателя и сделать все возможное, чтобы он или она добились истинного успеха.

– Иными словами, он выжимает из них все ради прибыли, – сухо прокомментировала Аманда.

Фретуэлл задорно улыбнулся:

– Надеюсь, вы не возражаете против хорошей прибыли, мисс Брайерз?

– Не в тех случаях, когда искусство приносится в жертву коммерции, мистер Фретуэлл.

– О, думаю, вы увидите, что мистер Девлин с неизменным почтением относится к свободе выражений, – поспешно заверил он.

Они прошли в глубь здания и поднялись по ярко освещенной лестнице. Интерьер, как и фасад, был выдержан в строгом вкусе, без излишней роскоши. Комнаты, через которые они проходили, нагревались каминами с досками из

мрамора с прожилками. Полы были покрыты пушистыми коврами. Аманда, неизменно чувствительная к атмосфере, заметила, что и в переплетной мастерской, и в типографии царил дух веселого трудолюбия.

Фретуэлл остановился перед обшитой дорогими панелями дверью и вопросительно вскинул брови:

– Мисс Брайерз, не хотели бы вы посмотреть нашу коллекцию редких книг?

Аманда кивнула и последовала за ним. Комната была заставлена шкафами красного дерева со стеклянными дверцами в свинцовых переплетах. Потолок украшала изысканная лепнина в виде цветочных медальонов, повторявших узор толстого обюссонского ковра на полу.

– И все эти книги продаются? – почти прошептала Аманда, чувствуя себя так, будто оказалась в королевской сокровищнице.

Фретуэлл кивнул.

– Здесь вы найдете все: от античной литературы до зоологии. Кроме того, у нас широкий выбор древних карт Земли и неба, инкунабул и рукописей… – Он красноречиво обвел рукой все это великолепие.

– Хотелось бы мне запереться здесь на недельку, – порывисто выдохнула она.

Фретуэлл со смехом вывел ее из комнаты. Они поднялись еще на этаж, где располагалась контора Девлина. Прежде чем Аманда успела справиться с нахлынувшим приступом нервозности, Фретуэлл открыл дверь красного дерева и мягко, но настойчиво заставил переступить порог. Впечатления лавиной обрушились на нее. Массивный письменный стол, большой мраморный камин и обитые кожей стулья, богатые обои в коричневую полоску, атмосфера спокойной, чисто мужской элегантности. Солнечный свет струился сквозь ряд узких высоких окон. К запаху кожи и пергамента примешивался легкий табачный аромат.

– Наконец-то! – воскликнул знакомый низкий голос с веселыми нотками, и Аманда неожиданно осознала, что Девлина забавляет ее капитуляция. Что ни

говори, а она все же пришла. Но что же ей было делать?!

Девлин издевательски торжественно поклонился и, скользнув по ней взглядом, расплылся в улыбке.

– Моя дорогая мисс Брайерз, – объявил он тоном, сразу заставившим сомневаться в искренности его слов, – никогда еще утро не казалось мне таким долгим. Я едва удержался, чтобы не выбежать на улицу и не подождать вашего прибытия на ступеньках крыльца!

– Я желала бы как можно скорее завершить наши переговоры и уехать, – сухо отчеканила Аманда, хмуря брови.

Но Девлин продолжал улыбаться с таким видом, словно она сказала нечто умное и приветливое. Очевидно, отповедь на него не подействовала.

– Прошу вас, садитесь у огня, – уговаривал он.

За позолоченной железной решеткой полыхало гостеприимное пламя. Отдав шляпу и плащ Оскару Фретуэллу, Аманда устроилась в кожаном кресле.

– Не хотите ли выпить чего-нибудь согревающего? – заботливо продолжал Девлин. – Обычно в этот час мне приносят кофе.

– Предпочитаю чай, – коротко ответила она.

Девлин глянул на Фретуэлла, и Аманда отметила, что его глаза опять смеются. Ну и пусть!

– Чай и сахарное печенье, пожалуйста, – бросил Девлин управляющему, который немедленно испарился, оставив их вдвоем.

Аманда украдкой глянула на собеседника и ощутила, как повлажнели ладони под кожей перчаток. Что ни говори, а мужчине просто неприлично быть таким красавцем. Ох уж эти синие глаза… просто затягивают в свой омут! Черные волосы подстрижены так коротко, что густые пряди кажутся лишь чуть волнистыми. Странно, что такой огромный, налитый силой мужчина питает

пристрастие к книгам. Вид у него отнюдь не ученый, и не похоже, что он целыми днями роется в бумагах и пребывает в четырех стенах кабинета, даже такого большого.

– У вас впечатляющее предприятие, ничего не скажешь, мистер Девлин, – произнесла она. – Вам, конечно, многие это говорят.

– Спасибо. Но поверьте, это отнюдь не воплощение моих замыслов. Это место должно стать совсем другим. Я еще только начал преобразования, – объяснил Девлин и, сев рядом, вытянул длинные ноги и принялся изучать мыски ярко начищенных туфель. Одет он был так же хорошо, как накануне вечером, в простой, но модный двубортный сюртук и брюки из серой шерстяной ткани.

– И что вы задумали? – спросила она, удивляясь, что можно желать каких-то перемен в таком налаженном хозяйстве.

– В этом году я собираюсь открыть с полдюжины новых магазинов по всей стране. Через два года утрою их количество. Приобрету все хоть сколько-нибудь читаемые газеты и несколько новых журналов.

От Аманды не ускользнуло, что такие приобретения придадут их владельцу значительное влияние как в обществе, так и в политике. Во взгляде ее появилось нечто вроде восхищения. Да, этот молодой человек с жестким лицом поистине твердый орешек!

– Вижу, вы честолюбивы, – заметила она. Джек едва заметно улыбнулся.

– А вы?

– Что вы, вовсе нет, – начала она, но тут же осеклась и, на минуту задумавшись, решительно покачала головой. – Я не стремлюсь к большому богатству или власти. Хочу просто жить, не считая каждое пенни, и надеюсь когда-нибудь достичь в своем творчестве более высокого уровня.

Джек чуть приподнял темные брови.

– Вы считаете, что уже достигнутого недостаточно?

– Конечно. Я нахожу в своей работе много недостатков.

– А я не вижу ни одного, – мягко заметил он.

Аманда не ожидала, что так мучительно покраснеет. Неужели это его похвала так на нее подействовала?

Глубоко вздохнув, она попыталась сохранить остатки разума. Держать себя в руках.

– Вы можете льстить мне сколько угодно, мистер Девлин, но не ожидайте, что я растаю. Цель моего визита одна – уведомить вас, что я никогда не соглашусь опубликовать «Ненастоящую леди».

– Прежде чем вы окончательно откажете мне, – мягко сказал он, – почему бы не выслушать мое предложение? Вдруг оно покажется вам интересным?

– Прекрасно.

– Сначала я хочу опубликовать «Ненастоящую леди» в виде романа с продолжением.

– Романа с продолжением? – ошеломленно протянула Аманда. Какое оскорбление! Романы с продолжением считались чем-то вроде литературы второго сорта по сравнению с произведениями, выходившими обычно в трех томах и твердом переплете.

– Но не можете же вы издавать их в бумажной обложке ежемесячными выпусками, как ваши журналы!

– А когда выйдет последний выпуск, – словно не слыша, продолжал Девлин, – напечатаем второе издание, на этот раз трехтомник, в тканевом переплете, с иллюстрациями во всю страницу и золотым обрезом.

– Почему бы не сделать это с самого начала? Я не пишу романов с продолжением и не собиралась этим заниматься.

– Знаю.

Внешне безмятежный вид оказался обманчивым. Девлин неожиданно подался вперед, глаза жарко блеснули.

– Вряд ли можно осуждать вашу позицию. Очень немногие романы с продолжением из тех, что мне довелось читать, хороши настолько, чтобы привлечь внимание читателей. Кроме того, необходим определенный стиль: каждый выпуск должен содержать несколько глав, но обрываться на самом интересном месте, чтобы читатели с нетерпением ждали продолжения. Нелегкая задача для писателя.

– Не вижу, каким образом «Ненастоящая леди» может подходить под этот стандарт, – нахмурилась Аманда.

– Ошибаетесь. Подходит, и очень. Роман легко разделить на тридцать два выпуска, с таким количеством драматических событий в каждом, что публика будет ими зачитываться. При этом от нас с вами потребуются относительно небольшие переделки.

– Мистер Девлин, – отрезала Аманда, – не говоря уже о полном отсутствии у меня желания прославиться как автор романов с продолжением, меня вряд ли увлекает перспектива иметь вас в качестве издателя. К тому же мне совершенно не улыбается мысль о работе над романом, за который я получила всего десять фунтов!

– Разумеется, – кивнул Девлин, но прежде чем успел добавить еще что-то, в комнате появился мистер Фретуэлл с серебряным подносом.

Поставив его на маленький столик рядом с креслом Аманды, Фретуэлл разлил чай в чашки севрского фарфора и показал на блюдо с песочным печеньем, усыпанным поблескивающими сахарными кристалликами. Выглядело все это очень аппетитно, и Аманда тайком сглотнула слюну.

– Попробуйте, мисс Брайерз, – гостеприимно попросил Фретуэлл.

– Спасибо, не могу, – с сожалением пробормотала Аманда, улыбнувшись молодому человеку. Тот поклонился и вышел. Аманда сняла перчатки, положила на край столика и, размешав в чае молоко и сахар, осторожно пригубила. Превосходный сорт! Так и ласкает нёбо! Для полноты вкуса неплохо бы съесть печенье, но при такой комплекции каждый лишний кусочек, каждые конфетка или пирожное мгновенно откладываются лишней унцией жира на бедрах, а назавтра невозможно влезть ни в одно платье! Единственный способ держаться в форме – не есть сладкого и подолгу гулять.

До чего же унизительно, что собеседник, похоже, прочел ее мысли!

– Съешьте печенье, – лениво посоветовал он. – Если беспокоитесь о своей фигуре, заверяю, она великолепна во всех отношениях. Кому лучше знать, как не мне!

Стыд и раздражение охватили Аманду.

– Я все гадала, надолго ли у вас хватит терпения не упоминать об омерзительных событиях той ночи! – прошипела она и, дотянувшись до печенья, яростно вгрызлась в сладкий кружочек и окинула Джека злобным взглядом. Но тот лишь ухмыльнулся и, поставив локти на колени, пристально воззрился на собеседницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kleypas_liza/muzhchina-na-odnu-noch

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить